Босиком по пеплу. Книга 3

Автор:
Лана Мейер

Босиком по пеплу. Книга 3

Лана Мейер

Алекс Д

Восточные (не)сказки #8

Дочь арабского шейха не имеет права на ошибку, но я ее совершила – влюбилась в лучшего друга и отдала ему свою невинность. Я верила – нам с Нейтоном суждено быть вместе, наивно полагая, что отец позволит мне самостоятельно выбрать будущего мужа.

«– Ты выйдешь замуж после окончания университета, Алисия. За Амирана аль-Мактума – наследника Анмара.»

Амиран:

– Клятвы верности, первая брачная ночь, твоя невинность и наши будущие дети – все это уже принадлежит мне, Алиса.

– Нет, я не хочу.

Тогда я еще не знала, что для Амирана аль-Мактума не существует иной воли, кроме его собственной. Ответив «нет» я подписала смертный приговор себе, своей семье и Нейтану.

Алекс Д, Лана Мейер

Босиком по пеплу. Книга 3

Пролог

Время спустя

Алисия

«Вся страна готовится к поистине грандиозному событию! Король Анмара женится второй раз. Помолвка состоится уже завтра. Наши инсайдеры посвятили AsadNews в некоторые детали торжества: модный дом Bulgari изготовил для высокопоставленных особ эксклюзивные помолвочные кольца. Авторская паранджа от самого популярного модельера в Анмаре уже готова и ждет своего часа – она без всяких сомнений, идеально подчеркнет красоту новой принцессы…»

Слова диктора новостного выпуска затихают на фоне гула бьющегося в висках пульса. Мой слух отключается, отказываясь воспринимать эту действительность.

Амиран полностью контролирует мою жизнь, мои мысли, мои цели и планы, и даже мое чертово дыхание. Расстояние и затянувшееся молчание для этого не помеха. Где бы я ни находилась, Ран всегда дышит мне в затылок. Держит за горло, не отпуская ни на секунду.

Я не видела его четыре месяца. Восемнадцать недель. Сто двадцать семь дней. Я могу посчитать часы, минуты…

За это время от Мира не было ни одного звонка, ни одного сообщения. Мои письма до Амирана просто не доходят – мне понадобилось пару минут, чтобы понять, что муж хладнокровно отправил меня в черный список.

Везде.

Бескомпромиссно и жестоко вычеркнул из жизни. Без сожалений удалил из своей памяти женщину, которую присвоил себе еще десять лет назад.

Жжение в груди нарастает, в легкие проникает не кислород, а ядовитая кислота. Сердце печет, беспощадный пожар переходит на диафрагму, поражая соседние органы.

Перед внутренним взором, словно издеваясь над моей измученной психикой, мелькают последние кадры нашей встречи: Амиран резко закрывает дверь машины прямо перед моим носом, предварительно бросив на меня леденящий душу взгляд.

Последний взгляд… он отпечатался в воспоминаниях ядовитым лезвием. Острым, способным выжечь любой приговор на теле провинившейся жены.

Взгляд – сила и власть, одними вибрационными волнами стирающий меня в пепел, в крошку, на мелкие частицы, что невозможно собрать и склеить внутри.

Я виновата…

Я сама все разрушила, убила, сожгла.

Я не знаю…. До сих пор не понимаю.

Как все могло произойти таким образом?

Теперь бесполезно винить себя или пытаться оправдать: все произошло так, как произошло.

Неужели я сама забила последний стальной гвоздь в крышку гроба нашей любви и брака?

Неужели я не достойна короткого разговора, не заслуживаю хотя бы малейшего шанса поговорить с Амираном, объяснить ему все? Спросить, выяснить, посмотреть в глаза, прикоснуться…

Неужели он не хочет этого, не скучает, не вспоминает меня? Как бы посмотрел на меня, если бы сейчас видел перед собой?

Нас связывал целый мир. Мы вместе ждали ребенка, вместе оплакивали потерю, вместе прошли через животрепещущий ад, вместе построили доверие и близость, вместе вступили в начало нового и светлого настоящего – без недомолвок, упреков и оглядок на прошлое. Планировали, мечтали, обещали, любили…

«Я люблю тебя.»

«Я тебя больше…»

Я не могу забыть.

Даже если ты наймешь лучших гипнотизеров и психологов мира и сотрешь мне память, я не смогу забыть и поверить в то, что ты больше совершенно ничего не чувствуешь ко мне, Амиран.

Глава 1

Амиран

Обсуждение программы по новым требованиям американских партнеров заканчивается тридцать восемь часов спустя, побив рекорд всех предыдущих совещаний. Не скажу, что результат стоил потраченных нервов, времени и энергии, но к общему знаменателю прийти удалось, не смотря на некоторых несогласных, демонстративно покинувших зал совета. Часть предложенных мной пунктов, были приняты по умолчанию, но большинство пришлось отстаивать, подтверждая каждое слово расчетами.

Дебаты порой переходили на отнюдь не дипломатический тон, но, слава Аллаху, обошлось без открытых конфликтов. Дальше все зависит от сговорчивости и готовности Штатов к конструктивному диалогу, ну и частично от моего дара

убеждения. Основная задача на ближайшие переговоры – снизить и реструктурировать сумму предъявленного штрафа за нарушение договора и не допустить экономической изоляции Анмара.

– Сколько у нас времени? – рухнув на заднее сиденье Мерседеса, спрашиваю у сосредоточенно изучающего какие-то документы Колмана. Как он там еще что-то видит?

Набрав номер Алисии, откидываюсь на спинку, слушая длинные гудки. Шайтан, она наверняка в бешенстве. Двое суток без связи, притом, что разошлись мы не на самой лучшей ноте, и я звоню отнюдь не с радужными новостями.

Шайтан, девочка, да возьми ты трубку.

Прикрываю глаза веками, ощущая неприятное жжение и ломоту в висках. Лицо кажется чужим из-за онемевших мышц. Колман что-то бормочет себе под нос. Я давно перестал удивляться работоспособности и неистощимым ресурсам организма этого парня. Сорок часов без сна, а Мердер все еще в строю, готов сворачивать горы. Он точно робот.

– Вылет через тридцать минут, Ран. Успеваем, но впритык, – бодро отвечает Колман, протягивая мне стаканчик с кофе. – Будешь? – открыв глаза, устало мотаю головой. Tatlim упорно не отвечает. Черт. – Выглядишь на пятьдесят, мужик. Может, вздремнешь?

– В самолете высплюсь, – глухо отзываюсь я, связываясь с телохранителем Алисы. Нуран Халиб отвечает мгновенно. – Передай телефон моей жене, – коротко озвучиваю приказ и слышу совсем не то, что ожидал.

– Эмир, сожалею, но это займет какое-то время. Будете ожидать?

– Какое, к черту, время? Ты не должен от нее отходить ни на шаг. Если она в своих комнатах, то ты обязан спать возле дверей, – раздраженно рычу в трубку.

– Госпожи аль-Мактум нет рядом, – Нуран начинает нервничать. – Я сейчас пойду за ней.

– Что, значит, нет рядом? – мгновенно взрываюсь я. Не выношу непрофессионализм. В ряде случаев он может стоить жизни.

– Ваша жена попросила меня позволить ей побыть в одиночестве, – голос телохранителя резко садится. – Госпожа в зверинце, со своей тигрицей. Она была расстроена, и я не посмел настаивать.

– Что расстроило мою жену? – переведя дух, немного успокаиваюсь.

Волноваться – причин нет. Саваж не обидит Алисию. Неделю назад тигрицу отсадили от Тумана, потому как лохматая пара начала проявлять друг к другу признаки агрессии и после очередного осмотра ветеринара, выяснилась причина. Саваж тоже ждет пополнения, и чрезмерная активность Тумана белоснежную кошку начала напрягать. Поэтому ничего удивительного, что двум беременным тигрицам хочется иногда уединиться и пожаловаться друг другу на своих самцов.

Однако моего спокойствия от представшей в моем воображении умиротворяющей картинки хватило всего на несколько секунд, ровно до того момента, как Нуран ответил на моей вопрос:

– Произошел неприятный инцидент. В резиденцию нанесла визит первая жена его Величества Зарина аль-Мактум в сопровождении племянницы. Девушку несильно поцарапала пума. Рана незначительная, но поднялась паника, и ваша жена разволновалась. Гости уже покинули дворец, если…

– Слушай меня, Халиб, – оборвав Нурана, выговариваю сквозь зубы. – Сейчас ты пойдешь к вольерам, найдешь Алисию и соединишь меня с ней, потом вышлешь мне записи с видеокамер с момента появления Зарины и до ее ухода. Понял? Исполняй, – отключившись, шумно, со свистом втягиваю воздух.

– Зарина приезжала к твоей Алисе? – отложив бумаги в сторону, вопрошающе смотрит на меня Мердер. Я мрачно киваю.

– А, что? Не дура баба. Время выбрано с умом, – цинично ухмыляется Колман. – Тебя нет, а жену короля выставить за ворота никто не сможет, кроме самой Алисии, – Мердер меняется в лице, заметив, что я его легкомыслие не разделяю. – Ран, сделать все равно ничего уже нельзя. Объяснишь все лично.

Tatlim твоя не глупая.

– До хрена всего объяснять придется, – хмуро бормочу я, проводя ладонью по лицу. – Ей нервничать нельзя, а вокруг одни идиоты. Еще и Зарину Шайтан принес.

– Женщина всегда найдет повод, чтобы понервничать самой и вымотать нервы всем окружающим, – высокопарно заявляет Колман.

– А ты знаток женщин, Мердер. Никогда бы не подумал, – криво ухмыляюсь я, но мысленно переключиться не получается.

– Не сомневайся, бро, у меня не только мозги сутками работать способны, – парирует Колман.

– Я тебя как-нибудь все-таки посажу в камеру на неделю и заставлю учить деловой этикет Анмара.

– Ладно, Ваше Высочество, исправлюсь, – вздыхает Мердер, переводя взгляд в окно. – Мы на месте, Ран.

Кортеж заезжает на частную территорию аэропорта. Охрана сообщает, что пора выходить, а я неотрывно смотрю на свой телефон. Какого Шайтана Халиб так долго не перезванивает?

– Мир, – толкает меня в плечо Мердер. – Время, – ударяет пальцем по дисплею часов на своем запястье.

Рассеянно кивнув, я выхожу на раскаленный асфальт и в сопровождении телохранителей направляюсь к трапу королевского Боинга. Опустив на глаза темные очки, замечаю внушительную фигуру Адама аль-Саадата, поднимающегося в самолет.

Шейх тоже летит на переговоры в составе экспертной группы, которую я отбирал лично. Повернув голову в сторону, ненадолго встречаюсь взглядом с Хамданом Катаном, не сразу его узнав. Половина проблемы решена. Генерал выполнил приказ, и парень здесь. С остальным разберемся по прилету в Штаты.

Снова смотрю на молчащий телефон, матеря про себя бестолкового и уже бывшего телохранителя Алисии. Оказавшись в салоне, я занимаю место напротив Саадата, он что-то спрашивает. Не разобрав, качаю головой, опускаю взгляд на безжизненный дисплей гаджета. Колман садится рядом. До взлета остаются считанные минуты, а внутри, словно коркой льда все покрывается с каждым новым вздохом. Выругавшись уже вслух, набираю Халиба повторно. На второй линии высвечивается входящий вызов с номера Алисии. Я отвечаю, облегченно вздохнув:

– Где тебя черти носят, tatlim?

– То же самое я могу сказать тебе, Ран, – на повышенных тонах произносит совсем не тот голос, который я ожидал услышать. Мне кажется, я слышу фоном эхо, словно абонент находится в закрытом пустом помещении.

– Дайан, почему ты звонишь с телефона Алисии? – внутренности снова скручивает от дерьмового предчувствия.

– Потому что ты и твоя змеиная семейка довели девочку до нервного срыва, – кричит в трубку сестра. – Зачем эта старая поганая сука притащила с собой Жасмин? – Дайан рыдает, а я, онемев, молчу, слушая оглушительный звон пульса в висках. – Какого черта, Мир? Почему ты ни разу ей не позвонил?

– Там, где я находился, это было невозможно, – глухо отвечаю я, ловя настороженный взгляд Адама Саадата. – Где она?

– Мы слишком поздно ее нашли. Лиса была без сознания, уронила телефон, не успела позвать на помощь. А ты… Тебя, как всегда, нет. Гори в аду твой гребаный Анмар…

– Дайан, где она? – настойчиво повторяю вопрос. Сестра горько всхлипывает.

– В госпитале… в реанимации, – снова слышу сдавленный плачь, отдающийся болезненной резью в груди.

Телефон начинает вибрировать от параллельных звонков. Два, три, четыре, десять. Очнулись все разом. Не различаю имен. Номера абонентов расплываются

перед глазами.

– У девочки кровотечение. Очень сильное.

– Я сейчас приеду, Дайан, – резко встав, разворачиваюсь и иду по проходу к выходу из лайнера.

– Это уже не поможет, Мир, – каждое ее слово, как забитый гвоздь в сердце. – Мне жаль. Прости, я не хотела на тебе срываться. Я тебя жду. Врач подошел, мне надо поговорить… – она скидывает вызов, звенящая тишина режет слух.

Я стою столбом, невидящим взглядом уставившись на перепуганную бортпроводницу, вставшую на пути.

– Ваше Высочество, выходы заблокированы, самолет готовится к взлету, – побледнев до мелового оттенка, шелестит одними губами.

– Открыть, – отдаю короткий приказ. Девушка мотает головой, бормоча, что это невозможно. – Свяжись с пилотом. Быстро.

– Амиран, – на плечо ложится тяжелая ладонь с татуированными пальцами. Адам Саадат. Набрав воздуха в легкие, беру себя в руки и оборачиваюсь. – Объяснишь, что происходит? – спрашивает шейх, сдвинув брови. Лицо напряжено, на скулах гуляют желваки. Из-за его массивной спины выглядывает не менее обеспокоенный Мердер.

– Я задержусь. Возникли неотложные дела, – сдержанно отвечаю я.

– Алиса? – вопрос дается шейху с трудом, но отцовские инстинкты не лгут. Я утвердительно киваю, не отводя взгляд. Челюсть Саадата застывает, глаза темнеют до грозового оттенка. – Я могу поехать?

– Нет, Адам, – отказываю непреклонным тоном. – Ты летишь во главе команды и сделаешь все возможное и невозможное, чтобы переговоры состоялись. Программа полностью отработана. Ты сможешь, я знаю. Начнете без меня. Буду в Нью-Йорке через двадцать часов.

– Она моя дочь, эмир, – настаивает шейх. – Я имею право знать, что с ней случилось.

– Я сообщу, как только получу достоверные данные, – обещаю взволнованному отцу. Перевожу фокус внимания на Мердера. – Ближайшие сутки подчиняешься напрямую шейху.

– Ран…, – он пытается возразить.

– Все, Мердер, – металлическим тоном отрезаю я.

– Ваше Высочество, у вас минута, – окликает меня приободрившаяся бортпроводница, показывая рукой на открытый выход.

– Удачи, Адам, – киваю Саадату, и в составе группы сопровождения быстро покидаю салон самолета.

От аэропорта до резиденции кортеж доставляет меня в максимально короткие сроки. За это время я успеваю многое. Получить полный отчет о состоянии Алисии, уволить Нурана Халиба, просмотреть содержимое записей видеокамеры за период визита первой жены отца и сообщить Адаму Саадату, что жизни его дочери ничего не угрожает.

Взлетев по мраморным ступенькам госпиталя, ныряю в длинный стерильный коридор. Охрана практически бежит следом. Заметив у стеклянных широких дверей сестру, устремляюсь туда. Она тоже меня видит, вздрагивает всем телом, понуро опускает плечи. Неловким жестом стирает со щек слезы и, пошатываясь, идет на встречу.

– Я так сожалею, Мир, – снова начинает плакать, цепляясь за полы моего пиджака. – Я не должна была оставлять ее одну. Не досмотрела. Прости меня. Все, что я наговорила, это от страха, что случится ужасное. Я никогда столько крови не видела…

– Где? – коротко спрашиваю я, подняв за подбородок бледное отекшее от слез лицо Дайан. – Она показывает взглядом на прозрачные двери реанимационной палаты. – Успокойся, Ди. Ты не виновата, – погладив сестру по щеке, мягко

отстраняю в сторону.

– Амиран, туда нельзя. Она еще под наркозом, – Дайан пытается удержать меня за руку.

– Мне можно, – твердо бросаю я и, развернувшись, открываю двери реанимационной. Меня снова кто-то останавливает, преграждая вход в палату.

– Ваше Высочество, посещения до утра запрещены доктором. Госпоже аль-Мактум необходим сон и покой, – дрожащим голосом лепечет молоденькая медсестра. Не знаю, что она рассмотрела на моем лице, но ее так трясет, словно Шайтану в глаза взглянула.

– Мне лучше знать, что необходимо моей жене, – взбешенно шиплю сквозь зубы.

– Без разрешения врач… – запинаясь, отчаянная пигалица пытается возражать.

– Без моего разрешения этот госпиталь бы здесь не стоял, – затыкаю ее грозным рыком.

– Хотя бы халат наденьте, – она протягивает мне белую тряпку. – И бахилы, – последнее шепотом.

В палате стоит специфический больничный запах. Он первым врывается в ноздри, когда я прохожу внутрь. Легкие судорожно сокращаются. Я на автомате делаю шаг по направлению к расположенной по центру кровати, где, затерявшись под белыми простынями, неподвижно лежит моя девочка. Бледная, осунувшаяся, с голубоватыми тенями вокруг закрытых глаз. Белокурые волосы спрятаны под одноразовую шапочку, в вытянутую поверх одеяла тонкую руку впиваются сразу несколько игл от капельниц.

Я останавливаюсь у края постели, осторожно провожу костяшками по хрупкому запястью. Под почти прозрачной кожей отчетливо просматривается рисунок вен, я чувствую ее пульс. Слабый, рваный. Мои пальцы дрожат, кажутся слишком грубыми и слушаются с трудом, ощущаю себя парализованным, неживым, выпотрошенным, но ей хуже, в миллион раз хуже, чем мне. Это осознание

царапает внутренности, щиплет в носу, обжигает горло желчью.

А память безжалостно подсовывает кадр из недавнего прошлого. Обожжённая беспомощная тигрица, и я, такой же растерянный, как сейчас. Только тогда пахло дымом, а сейчас болью. Настоящей, разрывающей, не оставляющей ни одного нетронутого нерва внутри. Пропасть бесполезных сожалений. Они ничего не исправят, не исцелят. И не на кого рычать, некого винить, кроме самого себя.

У нашего сына не было ни одного шанса родиться на свет… Когда его мать бежала по раскаленному песку и висела над пылающим кратером, он уже был в ней. Когда я методично ломал ее характер под себя – он уже был в ней. И когда запер голую в комнате для наказаний – он уже был в ней.

Моя тигрица сильная, она выдержала, а наш сын – нет.

– Ди права. Это я виноват, tatlim, – признаю отдающую едкой горечью правду, но она снова не слышит. Ровно дышит и спит. Только подсоединенные к Алисии мониторы тоскливо пищат, рисуя кривые зигзаги сердцебиения. Мне второй раз за много лет по-настоящему страшно. Я боюсь того момента, когда Алиса откроет глаза и поймет тоже, что и я.

На негнущихся ногах, я обхожу кровать, и, скинув обувь, ложусь на край, с той стороны, где нет капельниц. Придвигаюсь ближе к tatlim, осторожно обнимаю за талию и утыкаюсь носом в ее висок. Делаю глубокий вдох, и замираю, слушая пульсирующий рев собственной крови. Он заглушает тяжёлые мысли, но не отвлекает, не дает забыться ни на секунду. Усталость последних дней гаснет под тяжестью сокрушительной для нас обоих потери. Я бы хотел забрать весь ее вес на себя, но tatlim не даст, не позволит.

– Не сдавайся, девочка, не отворачивайся от меня, – шумно втягиваю воздух горящими легкими, и прикрываю глаза. Tatlim пахнет солью, слезами и самой собой, но знакомый, въевшийся под кожу аромат ее тела тонкий, едва неуловимый.

Плевать, что скажут врачи, не встану, пока она не проснется. Но никто и не спешит врываться. Бросив взгляд на дверь, я замечаю за стеклом расплывчатые силуэты Дайан и выстроившихся вдоль стены телохранителей. А я бы все отдал за несколько часов в полном одиночестве, один на один с tatlim, без лишних

глаз, подмечающих каждый мой шаг.

Вокруг меня всегда находится команда подготовленных профессионалов, чьей работой и долгом является обеспечение безопасности. Тотальный контроль, ежесекундное наблюдение. Верхушка социальной лестницы и мощные рычаги власти дают ощущение всесилия и несокрушимости, но оно чертовски обманчиво. Человек уязвим и беспомощен перед ударами, которые отразить не смогут ни власть, ни титулы, ни деньги.

Алисия думает, что я привык, мне легко и в кайф функционировать и добиваться успеха в условиях, которые давно стали частью моей жизни, но это не так. Я каждый день напоминаю себе, кто я, и зачем это делаю и ради чего, и уверен, что главная цель того стоит.

– Ты тоже однажды поймешь, tatlim, – спугнув своим дыханием несколько светлых волосинок, тихо шепчу я.

Стянув шапочку с пепельных волос, я запускаю в них пальцы, распускаю, аккуратно распутываю длинные пряди. Серебристые, как лунный свет. Нежные, как тончайший шелк.

Вопреки устоявшемуся мнению, что арабские шейхи сходят с ума по светловолосым женщинам, я никогда не входил в их число. Критерий выбора партнёрши для секса был весьма разнообразен, как и список девушек, но натуральных блондинок среди них практически не было. Подсознательно я всегда держал в памяти образ Алисии Саадат – юной платиновой принцессы с аквамариновыми глазами, понимая, что настанет день, когда никто не сможет с ней сравниться.

Так и вышло.

Я никогда не ошибаюсь в главном, tatlim.

С первой секунды и до конца.

На сто процентов. Абсолютно. Моя.

Мои губы в горячечном порыве прижимаются к ее виску и, наверное, обнимаю слишком сильно. Она вздрагивает в моих руках, дышит чаще, и я расслабляю хватку, успокаивающе поглаживаю белокурый затылок. Спи, tatlim, еще слишком рано. Я не готов. Хотя бы один час, чтобы собраться с силами, которые понадобятся нам обоим.

– Ран… – рваный выдох, сдавленный шепот. Моя тигрица никогда не спрашивает разрешения. Повернув голову, она щекочет распахнувшимися ресницами мой небритый подбородок. Застывает на несколько бесконечных секунд, задерживая дыхание. И я не дышу вместе с ней. Моя ладонь медленно соскальзывает на ее щеку, большим пальцем стирая скатившуюся слезинку. – Ран… – едва слышно повторяет tatlim, и столько не прикрытой отчаянной боли в трех буквах моего имени, она переливается в меня, бьет фонтаном, течет по венам. Все слова застревают в онемевшем горле, да нет таких слов, которые помогут Алисе не чувствовать.

Тишина звенит, барабанит в висках. Шумно вдохнув, tatlim порывисто прижимается ко мне, утыкается носом в шею.

– Осторожно, сладкая, – мягко удерживаю ее руку с иглами капельниц поверх одеяла, глажу по плечу. – Вот так, девочка. Не надо резких движений. Поспи еще немного.

– Не хочу спать, – слабым голосом отзывается Алиса. Просунув под мою шею свободную от капельниц руку, она зарывается пальцами в мои всклоченные волосы. – Пожалуйста, не уходи, – пронзительная мольба раздирает сердце.

– Не уйду, – обещаю я, чувствуя, как дрожат ее ресницы, порхая по моей коже невесомыми прикосновениями.

– Я просила его остаться со мной. Умоляла Аллаха, чтобы он не лишал нас… – Алиса надрывно всхлипывает, а я неотрывно смотрю расплывающимся взглядом в белую стену, хотя отчаянно хочется зажмуриться, как в детстве, когда было по-настоящему страшно. – Я так хотела сохранить его. Почему? Почему с нами?

– Шшш, не надо, – провожу пальцем по сухим горячим губам. – Мы не первые, кто переживает потерю. Ты поправишься. Мы справимся. Со временем будет легче.

– Я не хочу переживать. Мне не будет легче. Я дышать не могу, – ее голос сипит, срывается, отражая все оттенки внутренних терзаний.

– Я буду дышать за двоих. Помнишь? – мягко спрашиваю я. Алиса судорожно вздыхает, неопределенно качнув головой.

– Я помню, как кричала, что не хочу его, а он уже был во мне, – она горько плачет, зеркаля на себя мои недавние мысли. – И эти проклятые таблетки…

– Ты не знала, Алиса, – говорю твердым тоном, положив ладонь на мокрую от слез щеку. – Обвиняй меня. Только меня, tatlim.

– Не могу, Ран, – она горько всхлипывает. – Мне так страшно и холодно, – я обнимаю ее крепче, и она доверчиво прячется в моих объятиях. – У меня все болит внутри. Так сильно.

– Я знаю, Алиса, – отзываюсь хриплым шепотом, прикрывая веки.

– Нет… Не Алиса, – она непроизвольно царапает ногтями кожу на моем затылке. – Tatlim, – поправляет меня с пронзительным отчаянием. – Твоя.

– Конечно, моя. Моя tatlim, – ласково повторяю я.

Она застывает, прерывисто дышит мне в шею. Я слышу, как оглушительно колотится ее сердце, заставляя аппараты выдавать тревожные сигналы.

– Что такое? – осторожно спрашиваю я. Она молчит, вздрагивая, как от озноба. – Скажи мне, tatlim? – настаиваю, растирая ладонями напряженные плечи. Проходит целая вечность наших совместных мучений, прежде чем Алисия решается заговорить:

– Где ты был, Амиран? Я тебе миллион раз звонила.

– Ты же знаешь, как это бывает. Экстреннее собрание в закрытом режиме строгой секретности. Любой вид связи недоступен. Я просил тебя ждать меня.

– Я ждала, Амиран. Каждую минуту, – импульсивно отзывается моя раненая тигрица. – Места себе не находила. Но два дня, Ран?

– Такое случается, Лиса. Не я придумываю правила безопасности, но они необходимы.

– Мы так срочно вылетели, я испугалась, Ран. За тебя испугалась.

– За меня не нужно бояться, Алиса, – уверенно шепчу, целуя ее в висок, не подозревая, что однажды это утверждение сработает против нас.

– Жена твоего отца сказала, что тебя нет во дворце.

– Зарина там не живет уже много лет, tatlim. У жён отца отдельные резиденции.

Алисия затихает, осмысливая услышанное, и делает совершенно неправильные бредовые выводы.

– Меня ты тоже отселишь?

– Не говори ерунду. Что я буду без тебя делать в огромном дворце? – коснувшись губами холодного лба, мягко говорю я.

– Приведёшь другую жену, невинную и покорную, – продолжает себя накручивать Лиса. – Такую, как Жасмин, она родит тебе сыновей столько, сколько скажешь.

– Я не хочу сыновей от Жасмин, – вздохнув, отвечаю я. – И Жасмин не хочу.

– Она сказала, что ты собирался на ней жениться, – дрогнувшим голосом шепчет tatlim. – Она показала мне подарок, кулон и…

– Алиса, – уверенно прерываю поток ее слов, приложив палец к сухим губам. – Я видел Жасмин аль-Бассам дважды и оба раза мельком. Никогда не говорил с ней и точно не дарил никаких кулонов. Все, что говорили, эти две женщины – ложь. Есть только ты и я, других не существует. Ты никому не должна верить. Только мне.

– Я не поверила, Мир, – выслушав, доверительно признается Алисия. – Я чувствую, что никого кроме меня нет.

– Правильно чувствуешь, Лиса.

– Ты, правда, никогда не влюблялся?

– Нет, никогда.

– А сейчас? – в тихом голосе звучит непривычная робость, сдавливающая грудную клетку до боли.

– И сейчас – нет.

Алисия растерянно замолкает, одергивая руку. Несколько секунд лежит неподвижно, а потом упирается ладонью в мое плечо.

– Тихо, сладкая, – обхватив тонкое запястье, нежно поглаживаю его подушечками пальцев. – Ты задала неправильный вопрос. Я действительно не знаю, что такое влюблённость. Эта стадия меня миновала. Перебирать варианты оставлю другим, тем, кто не готов принимать решения и брать на себя ответственность. Я придерживаюсь правила, что мужчина выбирает веру, родину и любимую женщину один раз в жизни, и буду сражаться за свой выбор до конца. Ты очень давно и очень глубоко в моем сердце, tatlim, и это никогда не изменится.

– А если я никогда не рожу тебе сыновей? – несчастным голосом спрашивает Алисия.

– Родишь, – твердо заверяю я, отметая любые сомнения. – Сыновей, дочерей или обоих сразу. Врач сказал, что нет никаких причин, по которым ты не сможешь забеременеть и выносить ребёнка.

– Я не скоро смогу решиться снова…, – подавленно шепчет Алиса.

– Я тебя не тороплю, tatlim.

Она отстраняется, чтобы запрокинуть голову и взглянуть на меня. Сердце сжимается и горит, когда я вижу ее заплаканное мертвенно-бледное лицо, потрескавшиеся губы, покрасневшие веки, окружённые темными кругами.

– Я должен был сказать это в самом начале, – произношу с запоздалым пониманием. Наши взгляды соприкасаются в глубоком тягостном молчании. Сотни слов горят на языке и ни одного правильного. Я не верю в слова, но Алисе они нужны сейчас. – Я много чего наворотил, tatlim. Меня оправдывает только то, что я боролся за то, что считаю своим. Мой отец не боролся. Никогда и ни за кого из нас. Почему я должен был отпустить тебя? Я не мог этого сделать. Никогда не смогу.

– Не отпускай, Ран, – отзывается нежным шепотом, пристально всматриваясь в мое лицо. – У тебя капилляры в глазах полопались, – прохладные кончики ее пальцев трогают мои скулы, а мне кажется, что они касаются сердца. Алиса облизывает губы, неотрывно и внимательно рассматривая мое лицо.

– Ерунда, хорошие капли, пара часов сна и все пройдёт, – отмахиваюсь, качнув головой.

– Сколько ты не спал?

– Не волнуйся обо мне, tatlim. Это ты у нас оказалась на больничной койке.

– Вообще-то мы тут вместе лежим, – с горьким призрачным подобием улыбки замечает Алисия. – Когда ты уезжаешь в Нью-Йорк?

– Уже должен там быть, – не сразу отвечаю я. Алиса опускает взгляд на мой подбородок, тщательно скрывая свои чувства. – Твой отец меня подменит на несколько часов.

– Сколько? – взмахнув ресницами, вопросительно смотрит в глаза.

– Сколько? – переспрашиваю, не поняв вопрос.

– Сколько часов у нас осталось? – поясняет tatlim, и голубая радужка бездонных глаз стремительно темнеет.

– Семь, может, восемь.

– Понятно, – она отворачивает голову, уставившись в потолок. Не нужно быть знатоком душ, чтобы понять, что за эмоции сейчас душат мою жену. И они полностью обоснованы.

– Я сделаю все возможно, чтобы вернуться, как можно быстрее, – хрипло обещаю я.

– Сделай все правильно, Амиран, – качнув головой, отзывается Алисия. – Я справлюсь и буду ждать. Столько, сколько понадобится.

Мягко поддев ее подбородок пальцами, заставляю взглянуть мне в глаза.

– Я не могу остаться, Алиса, – произношу с искренним сожалением.

– Я понимаю, Амиран, – печально кивает tatlim, погладив меня по щеке. – Правда, понимаю. Не волнуйся. Дайан побудет со мной. Я полюбила ее, как родную, и мальчишки у нее классные.

– Они тебя тоже любят, Лиса, – подтверждаю, поцеловав ее ладонь. – Тебя нельзя не любить… Невозможно, ты внутри. Моя, – горячо шепчу я, и мы снова бесконечное количество минут смотрим друг на друга, касаясь пальцами, губами. Так много невысказанной боли витает между нами, безжалостной и глухой, к словам, клятвам и обещаниям.

– Не дай мне уснуть, хочу попрощаться, – тихим голосом просит Алисия, согревшись и немного успокоившись на моем плече.

Мне невыносимо тяжело от того, что, когда весь удар от случившегося обрушится на нее, я буду далеко, решать вопросы, от которых зависит наше «завтра». Но это «завтра» для нас, tatlim. Кто способен попытаться изменить будущее, если не мы?

Когда первые лучи солнца сползают со стерильно чистого подоконника на пол и медленно перетекают на кровать, Алиса уже несколько часов крепко спит в моих объятиях. Часы на запястье второй раз сигнализируют, что мне пора уходить, но

так невыносимо трудно от нее оторваться.

– Я скоро вернусь, tatlim, – обещаю беззвучным шепотом, целуя ее на прощание в бледные губы, и бесшумно покидаю палату, оставляя с женой свое сердце.

Скинув халат в руки подоспевшей медсестры, слепым взглядом окидываю свою свиту.

– Выезжаем, – отдаю короткий приказ и задерживаю внимание на заплаканной измученной Дайан. – Береги, – обращаюсь к сестре. Она понимающе кивает, тяжело приподнимаясь с больничной кушетки.

– Удачи, Амиран, – протянув руку, сжимает мою ладонь.

– Спасибо. Она мне понадобится, – благодарно улыбаюсь сестре, прежде чем исчезнуть в длинном коридоре в сопровождении безмолвной охраны.

Глава 2

Алисия

Амиран так и не разбудил меня. Не позволил подарить возможность крепко обнять его, прижаться щекой к груди и сердцу, прежде чем снова отпустить в неизвестность.

Нужно быть совсем слепой и наивной, чтобы не осознавать страшного – мой муж всегда будет находится на прицеле у могущественных противников, ему подобных «высокопоставленных» фигур, жаждущих урвать свой кусок власти. Игры этих людей жестоки, беспринципны, хладнокровны. Мне хочется верить в то, что Ран имеет в запасе не один запасной план и точно знает, что нужно делать и уже сейчас находится на пути, который приведет к абсолютной победе.

А пока он сражается… я остаюсь совсем одна, наедине с нашей общей болью. Которую было бы куда легче разделить на двоих, прожить вместе. Несколько

часов рядом с Миром ощущались глотками свежего воздуха, после которых я вновь опустилась в кипящий агонией ад, сотканный из моих страхов, несбывшихся надежд и сожалений. Бесконечных сожалений…о том, что допускала когда-то мысль, будто мне не нужен ребенок от Амирана и не нужен он сам.

Я знаю, что эти мысли будут терзать меня долго, и каждая минута наедине с ними только усиливает боль, запуская новые и новые корни сомнений и тревог. Ран убедил, что только с ним безопасно, и сейчас, без него я ощущаю себя хрустальной статуэткой, медленно раскачивающейся на краю обрыва от силы переменных ветров.

Внутри себя я уже разбилась, упала за край. Мне отчаянно хочется быть сильной и крепкой, вылитой из стали. Не получается, не выходит, я расплавлена жгучим пламенем до самого нутра, до сердцевины души и тела. Внутри погасла и кажется, что навсегда, словно я потеряла не еще одну свою жизнь, а несколько сразу…

Тяжело вздохнув, я тянусь за стаканом воды. Пальцы едва сжимаются на керамической кружке. Каждое движение, даже самое необременительное и повседневное, дается с неимоверным трудом, покрываюсь потом, озноб сотрясает тело, когда я медленно подношу воду к губам, и снова обессилено падаю на подушки.

Я все еще чувствую аромат парфюма Амирана, но больше не ощущаю нашего сына внутри себя. Находясь в бессознательном состоянии и призрачном забвении, я уже обреченно понимала, что маленькая хрупкая жизнь покидает меня. И не хотелось просыпаться, не хотелось открывать глаза, в надежде на то, что я вижу лишь страшный сон и очнусь от него сама, как только кошмар достигнет своей кульминации.

Но проснуться, прийти в себя и смириться с фактом потери пришлось.

Его больше нет – любимого, горячо ожидаемого мной, не рожденного сына.

Именно ему я не подарю жизнь, не прижму сладкий комочек к груди, не загляну в светлые глаза малыша. Он никогда не помашет мне рукой, никогда не увидит солнце и наши с Миром улыбки. Я не увижу его в сильных руках Амирана, не

замечу нежность, любовь и гордость во взгляде мужа, направленные на сына.

Он хотел его так же сильно. Наша первая общая потеря… И мне страшно, я боюсь дышать и думать о будущем.

На зачатие новой жизни решусь я не скоро. Сейчас кажется – что никогда. Слишком силен ужас пережить этот кошмар снова.

Перенести в угнетающем одиночестве.

Тоскливо оглядываю четкую вмятину, оставшуюся на простыни, где еще несколько часов назад лежал Амиран. Его недолгое присутствие помогло мне, придало немалых сил, но даже это – лишь капля спасения в океан боли. Амиран на какое-то время стал моей кислородной маской, но как теперь дышать без него?

Опускаю руку на живот, болезненно ощущая, насколько он впалый и плоский. Удушливые слезы подступают к обожжённым солью глазам. Перед внутренним взором калейдоскопом проносятся образы мерзких гадюк: Жасмин и Зарины. Следы крови на белой ткани, мурлыкающая Сэви, мое сокрушительное падение в вольере…

Что это? Месть Богов за мою глупость, за отрицание чувств к Амирану? Но прежняя я не могла перестроиться так быстро, повзрослеть в одночасье, принять свои новые чувства, отбросив старые. На все нужно время, его просто не хватило.

А может, это знак свыше – и нам не судьба быть с Миром?

Что если у меня не получится забеременеть снова, когда я буду готова? Никогда не получится?

И буду ли я когда-то готова?

Что если не получится выносить малыша и все повторится снова?

Второго раза я просто не вынесу.

Слезы превращаются в колкие иглы, впиваются заостренными пиками в изнанку горла. Я не понимаю, почему это произошло со мной, именно с нами. В мыслях я успела выбрать нашему малышу имя и хотела озвучить его Амирану. Не специально, непроизвольно выбрала. Словно в одно утро все материнские инстинкты проснулись и его имя отстучало набатом в висках.

– Все наладится, моя дорогая, – сквозь плотную призму сна, слышу и распознаю мягкий голос Дайан.

Я не заметила, как отключилась, а проснулась уже в присутствии своей новой подруги и родственницы. Она мягко и ободряюще улыбается мне, опуская букет гортензий в прозрачную вазу. Ди обожает везде создавать красоту и уют, даже если это больничная палата.

– Мальчики по тебе скучают. Мы ждем тебя дома, – ласково приговаривает Дайан, поглаживая меня по спутанным волосам. – И я жутко скучаю. Я так сочувствую вам обоим. Алиса, ты не виновата…никто не застрахован от такого несчастья…

– Я ничего не чувствую, – откровенно лгу я, поспешно перебивая ее. На самом деле я ощущаю себя так, словно меня медленно сжигают на инквизиционном костре. – И никуда не хочу, – тихо бросаю.

«Мой дом, там, где Амиран», – размеренно и ровно пульсирует в висках простая, но такая искренняя фраза.

– Понимаю, – сомневаюсь, что Дайан на сто процентов способна осознать, каково мне сейчас. И не хочу, чтобы была способна. Я ни одной женщине этого не пожелаю.

– У тебя два прекрасных сына, Ди. Чему я очень рада. Разве с тобой такое случалось…? – если честно, утешить меня сейчас способны лишь истории женщин, которые прошли через потерю ребенка и нашли в себе силы попробовать создать жизнь снова. А главное – у них получилось.

– Когда была беременна Брэдли, я лежала в больнице. Риски были. Но все обошлось, – делится откровением Дайан, и мое сердце хаотично сжимается.

– Брэду было суждено появиться на свет, – все еще надломленным и сиплым голосом рассуждаю я. – А вдруг нам с Амираном не судьба создать жизнь? Быть вместе? Не предначертано…не maktub. Кажется, что сам Аллах против нашего союза…, – взгляд и выражение лица Дайан мгновенно меняется.

– Ну что ты такое говоришь, глупышка? – она крепко сжимает мою ладонь, вкладывая в прикосновение все материнское тепло и дружескую поддержку. – Он любит тебя. Как никогда и никого не любил. Я не оправдываю его. Амиран нужен тебе сейчас сильнее, чем когда-либо. Поверь, если бы он мог остаться, то обязательно был бы рядом, – горячо заверяет меня Дайан в том, что я и так понимаю.

– Амиран любит меня? – автоматическим голосом лепечу я. – Не сомневаюсь. Но недостаточно сильно, чтобы взломать законы физики и размножиться, чтобы быть сейчас со мной, – горько усмехаюсь, пытаясь шутить. Защитная реакция на стресс. Завтра же запишусь в ряды стенд ап комиков.

– Милая, я знаю, что он сделает все возможное, что поскорее вернуться и облегчить твою боль, – Дайан плавно наклоняется ко мне, заключая в объятия. От нее пахнет яблочным штруделем и кофе из больничного автомата.

Ди не покидала пределы клиники с тех самых пор, как меня сюда доставили. Приятно ощущать настолько сильную и искреннюю поддержку и заботу.

– Тебе нужно домой к мальчикам, – отправляю ее во дворец я, осознав, что она все это время наверняка ночевала в клинике. Дайан коротко кивает, не решаясь спорить.

– Твоя мама и сестры зайдут к тебе прямо сейчас. Ты готова поговорить с ними? – осторожно интересуется Ди.

– Хорошо. Пусть войдут, – разрешаю я, с тяжелым сердцем ожидая спешащую поддержать меня делегацию.

* * *

Ночью мне совершенно не спится. Сколько не переворачиваюсь с бока на бок, все равно затекают ноги и шея, все мышцы. Я буквально начинаю задыхаться от мучительной бессонницы, от отравляющих мыслей, раздражающим роем зудящими в голове. Лунный свет бьет по радужке глаз, минуя довольно плотные портьеры, намеренно мешая мне забыться в царстве Морфея.

Убедившись в том, что больше не привязана к капельнице, я встаю с постели и покидаю больничную палату. Времени на прогулку у меня не так много, потому что я уверена, что дежурная медсестра совершает обход каждые десять минут.

Бесцельно и медленно перебирая стопами по прохладной, мраморной плитке клиники, я передвигаюсь вдоль стен и дверей. Останавливаюсь лишь тогда, когда замечаю в тупике длинного коридора дрожащую девушку.

Потерянная она стоит ко мне спиной. Хрупкая, невесомая, сломленная, охваченная сумрачным светом… Девушка кажется моим собственным отражением, полным отожествлением внутреннего состояния.

Она дрожит, задрав голову к потолку. Я не вижу ее лица, но более чем уверена в том, что она читает молитву или разговаривает с утраченной маленькой душой, которая также не смогла прийти в этот материальный мир.

Услышав мои приближающиеся шаги, она оборачивается и поднимает растерянный взгляд. Покрасневшие воспаленные белки с полопавшимися сосудами, потухший взгляд – все это мелкие и едва заметные дефекты в сравнении с кровоподтёками и ссадинами на ее теле, которые не способна скрыть ночная рубашка. В груди что-то вновь обрывается, когда в тонких чертах лица молодой девушки я узнаю до боли знакомую мне женщину, с которой провела бок о бок довольно много времени.

– Рамилия? – тихо зову по имени свою ассистентку я, интуитивно считывая ее боль, что так схожа с моей.

Этой девочке досталось сильнее и больше… маленькая моя, беззащитная. Ни одна женщина не заслужила такого к себе отношения и в моих силах остановить подобное насилие во всем Анмаре. Только в моих. Потому что если этого не сделать сейчас, то это не побороть никогда.

– Госпожа…, – беззвучно, едва слышно шелестит голос Рэми. Она опускает взор, и стыдливо отступает в тень, в надежде спрятать свои гематомы, нанесенные руками и кулаками мужа.

Ей нечего стыдиться. Стыдно должно быть извергу, которому нет места на свободе.

– Что случилось, Рами? – спрашиваю я, хотя по взгляду и виду девушки понимаю достаточно.

– Он убил нас, госпожа, – всего пять слов, от которых слезы к глазам подступают с новой силой. Душат, застревают в горле десятками разбитых осколков.

Я знаю, что все женщины, находящиеся в этом крыле клиники связаны одной болью, одним несчастьем. Да только у ребенка Рамилии был бы шанс, если бы не постоянные побои и издевательства, которым подвергло ее жалкое подобие мужчины.

Поддавшись порыву, я крепко обнимаю Рэми, и она незамедлительно отвечает мне, прижимаясь к моей ключице. Через секунду моя ночная рубашка уже влажная от нескончаемого потока слез девушки.

Мы не говорим, тихо выплакивая все, что накопилось в сердце…Я просто рядом с ней. И она рядом со мной. Сегодня – я нашла, с кем разделить свою боль.

И я обязательно найду в себе силы жить дальше. Жить и бороться за справедливость, стану светом на пути для других пострадавших женщин, пока не станет поздно. Снова.

Глава 3

Нью-Йорк

Нейтан

– Долго ещё, как думаешь? – разминая затёкшие мышцы шеи, спрашивает напарник. Я неопределённо пожимаю плечами, неотрывно наблюдая за тремя мужчинами, пятый час ведущими диалог за стеклянными дверями кабинета, находящегося в Нью-Йоркских апартаментах Амирана аль-Мактума.

– Третий час ночи. У меня смена заканчивается, а они договориться никак не могут, – снова недовольно бубнит под нос второй телохранитель. Его раздражение можно понять. Труженики группы секьюрити наследного принца могут выдохнуть, только когда их объект спит, а за трое суток вахты в Нью-Йорке, эмир позволял телохранителям расслабиться крайне редко. Рабочий график наследника забит до отказа и практически не меняется. Долбаный день сурка. Перелеты, встречи, совещания. Выносливый сукин сын, но не бессмертный, как и все животные твари, заселяющие планету.

– Пересменок в семь утра, – безучастным тоном напоминаю я.

Для меня нет никакой сложности неподвижно простоять на посту и пять и десять часов. Штрафные дежурства в военной академии закалили выдержку. А возможность закрепить выносливость и стойкость щедро предоставил мне будущий король, сослав в провинцию, охваченную военными действиями.

Кажется, пролетела целая и как будто бы не моя жизнь с того момента, как его Высочество Амиран аль-Мактум «навестил» меня в тюрьме.

Я все ещё помню, как содрогалось все внутри от его пытливого взгляда, проникающего в самое жерло моих страхов, как стыла кровь от каждого выверенного хищного движения эмира, от свистящего звука тяжёлого дыхания, выдающего его царственную ярость. Тщательно контролируемую ярость.

Тогда мне нечего было противопоставить облаченному властью наследнику. Я был измождён, измотан пытками и абсолютно обнажен, не готов отражать нападение.

Но продуманный хищник и не собирался впиваться зубами в мою глотку. В отличие от меня, он четко понимал, как действует подавляющая энергия его несокрушимой воли на едва держащегося на ногах заключённого. Аль-Мактум одновременно и безжалостно бил по всем нервным окончаниям, бил еще до того,

как его колено врезалось в мой пах. Удар последовал, когда я позволил себе отвлечься на наводящие ужас мысли о возможных вариантах унизительных мучений. Но кастрировать меня и не входило в хитроумные планы Амирана аль-Мактума.

Можно ли назвать это везением? Если по фактам, то, наверное – да. Яйца же на месте и даже женой, которой они могут пригодиться, «добрейший» аль-Мактум меня обеспечил. Правда, сразу после медового месяца меня отправили воевать, но тогда я сам был рад сбежать куда угодно.

Вот только далеко и надолго убежать не вышло, как и вырезать с корнем воспоминания о той, кого аль-Мактум присвоил себе, не оставив даже иллюзорного выбора нам обоим.

Я снова здесь, снова выполняю его приказы, обеспечиваю безопасность, наблюдаю за бездушным ублюдком, шестой час беседующим с шейхом Адамом Саадатом и своим верным псом Мердером Колманом, чью «доброту» я тоже не забыл. Плохой и хороший полицейский. Классика жанра. Один пожалел, другой вмазал по яйцам. Разыграно было как по учебнику.

Когда это было? Несколько месяцев назад… для меня вечность.

Моя кожа все ещё пахнет порохом, а в голове гудит грохот разрывающихся снарядов. Под бронежилетом зудит свежий шрам, в ушах шумит от не долеченной контузии. А в памяти контрольным выстрелом, затмевающим все события в котле Зулейра, застрял недавний образ Ли на больничной койке, обнимающей мужа. Я был там, в госпитале, стоял в коридоре среди остальных телохранителей, снова ощущая, как место, где когда-то выгорело сердце, кровоточит от ядовитой боли.

По злому року первое дежурство на старой должности закончилось односторонней встречей с моим прошлым, мучительным, выжженным до пепла…

Алисия меня не заметила. Ли никого не заметила, потому что смотрела только на него. Смотрела так, как никогда – на меня. И хотя я подозревал, что во время прощального разговора в редакции, Ли частично сказала правду, убедиться в этом воочию было сокрушительно мучительно больно… И я бы мог упиваться этой болью, черпать в ней силы для ненависти и гнева, если бы не знал, какую

боль пришлось пережить «больше не моей» Ли.

Я закрывал глаза и гнал прочь яд непрошенных мыслей, не позволяя ярости просочиться в кровь. Это были самые длинные десять часов чудовищной пытки, в течение которых я дотошно перебирал события последних недель, нырял в них, ощущая копоть на коже и залпы снарядов боевиков. Кровавый безумный ад, в который я погрузился – лишь бы только не видеть действительности, рвущую душу на части.

Меня отправили в Зулейр, как рядового солдата, и за те часы, пока армейская машина доставляла меня к месту службы, я свыкся с мыслью о скорой смерти. Тогда я даже хотел… умереть. Мне казалось, что на земле не осталось ничего, что могло бы заставить меня сражаться, дышать, обрести смысл дальнейшего существования.

О том, что мне вернули офицерское звание, я узнал уже в части, где мне предстояло провести ближайшие месяцы. Поставили перед фактом, не объяснив причины внезапного повышения, но я подозревал, что отцу каким-то образом удалось повлиять на решение Амирана аль-Мактума.

Признаться, первым порывом было отказаться от щедрости наследника и в добровольном порядке отправиться с полевым отрядом в самую горячую точку Зулейра. Командование мне не позволило подобного геройства, я не участвовал в прямых столкновениях, а совместно с другими руководителями управлял операциями из штаба.

Получив спустя всего два месяца очередной приказ о переводе, я уже не удивлялся, не задавал вопросов. Если честно, мне было не до расшифровки планов наследника, внезапно и одним днем решившего вернуть меня в ряды своей охраны. Мысли о личных мотивах мести со стороны эмира больше не казались такими неоспоримыми, как еще совсем недавно.

Предписание поступило, когда я находился в военном госпитале мирного поселения Аран, где проходил лечение после ранения. Ничего серьезного. Легкая контузия и осколочное ранение в плечо. Пара швов – не повод для беспокойства, как сказал бы полковник Газар, если бы остался жив после нападения на базу группы вооружённых террористов.

События развивались внезапно. Боевики атаковали наш блокпост, когда большая часть наших отрядов находилась в другой части Арана. Нам удалось отбиться, но погиб почти весь руководящий состав военной части. Меня задело несильно, но достаточно, чтобы потерять сознание. Очнулся уже в госпитале. Мне сообщили, что я выжил благодаря одному из своих командиров. Тот самый полковник Газар, чье сомнительное чувство юмора и жесткая прямота спасали многих солдат от полного безумия. Получив смертельное ранение, Газар придавил меня своим телом, и когда брошенный террористами снаряд разоврался внутри здания, основной удар пришелся на погибшего полковника.

Освобождение Арана анмарской армией от радикальных террористических группировок стало самым кровопролитным за мой ограниченный опыт. Ожесточенные бои длились несколько дней подряд, непрекращающиеся залпы снарядов, десятки погибших и раненых, как среди террористов, так и среди наших военных.

Многие из моих сослуживцев оставили там свои жизни. Когда взрывы стихали, их изуродованные и разорванные осколочными снарядами тела доставляли фрагментами. Зрелище не для слабонервных. Кровавое, выворачивающее наизнанку. Даже закалённые и опытные военные теряли самообладание, получая жуткие посылки от террористов. Но страшнее всего было входить в освобождённые разрушенные города, заваленные трупами мирных жителей. Старики, женщины, дети. Уходя боевики вырезали всех, не щадя даже младенцев.

Безмолвное небо, палящее солнце и мертвая тишина. Едкий дым, вьющийся над раскуроченными крышами домов, хрустящие под ногами стекла и кровь, черная, засохшая, пропитавшая землю. Я воочию увидел настоящий ад, оставленный фанатичными Шайтанами, вдохнул смрад смерти.

И так вышло, что именно в эпицентре кровавых сражений я понял, что нет ничего ценнее человеческой жизни, которая может оборваться в любой миг. Неважно как – мучительно, мгновенно, нелепо или героически. Смерть – это смерть. И в ней нет никакого смысла. Смысл имеет только то, что мы оставляем здесь, сейчас, пока дышим и можем изменить, исправить… Я почувствовал стыд за собственное малодушие и слабость, а потом словно заново открыл глаза. Я смотрел на охваченное черным маревом небо и видел за дымными клубами его бесконечную чистую синеву. Я не мог наглядеться, не мог оторвать взгляд.

Вдруг это последний раз…

– Вроде расходятся, – приободрившийся голос напарника вторгается в мои воспоминания, возвращая в пахнущий лимонным очистителем стерильный холл роскошного пентхауса Амирана аль-Мактума.

Первым из кабинета появляется заметно уставший Адам Саадат. Выражение его лица подтверждает мои подозрения, что переговоры с американцами пока не принесли желаемого результата.

Наверное, мне стоит ликовать, что миссия наследника вероятнее всего потерпит неудачу, но на самом деле испытываю нечто совсем другое. Смешанные чувства, которые сложно охарактеризовать одним словом. Желать падения аль-Мактуму сейчас, когда Ли нуждается в нем (а в этом нет ни малейших сомнений) кажется мне кощунственным. Я снова в клетке, в тюрьме своей бессильной ненависти к слишком сильному противнику.

Шейх задерживает на мне тяжелый пытливый взгляд и, сравнявшись, останавливается.

– После возвращения в Асад эмир предоставит тебе трехдневный отпуск. Надеюсь, ты не забыл, где находится твой дом, и что там ждет тебя жена, – холодно произносит он и, не дождавшись ответа, удаляется из апартаментов.

Недвусмысленный намек Адама Саадата вызывает острое отторжение. Стиснув зубы, я обращаю взгляд вглубь кабинета и ожесточенно смотрю на главного зачинщика беспредела, учиненного в моей жизни. Амиран аль-Мактум вальяжно восседает за массивным столом, расфокусированным взглядом наблюдая за собирающим документы и гаджеты Мердером. Мужчины обмениваются короткими фразами, и Колман тоже оставляет кабинет. Проходит мимо меня, такой же погруженный в раздумья, как Адам Саадат.

– Зайди к эмиру, Каттан, – я вздрагиваю от неожиданности, услышав голос Мердера, задержавшегося на выходе из пентхауса. В следующую секунду дверь за поверенным аль-Мактума закрывается с автоматическим щелчком.

В холле становится настолько тихо, что я слышу биение пульса в висках. Понятия не имею, что опять понадобилось его ублюдочному высочеству. За те

дни, что я как тень следовал за ним по пятам, он ни разу не соизволил обратить на меня свой царственный взор. Опыт контактов с эмиром вынуждает готовиться к худшему. Заметив мое состояние, напарник бросает на меня сочувственный взгляд, ободряюще хлопает по плечу.

– Удачи, – кивает, когда я твердой рукой открываю дверь из толстого стекла и уверенно прохожу внутрь. Откинувшись в кожаном кресле, Амиран аль-Мактум полностью игнорирует мое присутствие, лениво перебирая стопку документов, лежащих перед ним на столе.

– Сядь, – не поднимая головы, коротко приказывает принц.

Сукин сын как всегда немногословен. Я сажусь в одно из кресел напротив, остановив взгляд на бесстрастном лице наследника, изучающим выуженный из кипы бумаг бланк с королевским гербом.

– Подписывай, – документ ложится прямиком мне под нос.

– Что это? – уточняю, бегло пробежав по первым строчкам, и, подняв голову, наталкиваюсь на раздраженный взгляд эмира.

– Читать умеешь, Каттан? Или контузия сказалась на твоих умственных способностях? – выдает целых две саркастичные фразы. – Даю минуту на изучение, – а вот и третья. Целый диалог. Какая честь выпала.

Проглотив ядовитый комок в горле и, сжав челюсть до скрипа, я погружаюсь в изучение приказа о новом назначении.

Который по счету за последний год? Меня переводят на должность заместителя руководителя группы сопровождения. По идее – это повышение. А на деле – фикция. Такой должности в штатном расписании нет. Точнее не было. Теперь есть, специально для меня создана.

Вопрос – зачем?

Поставив свою подпись в графе «ознакомлен», я снова встречаюсь с наследником взглядом. Недоумение на моем лице наверняка читается так же

легко, как откровенное неприятие – на физиономии Амирана аль-Мактума. Ухмыльнувшись уголком плотно сжатых губ, эмир кладет передо мной выпуск ежедневной новостной анмарской газеты. В глаза сразу бросается крупный заголовок.

ASAD NEWS: «ПРИСВОЕННАЯ НЕВЕСТА»

«Новые подробности о самом грандиозном событии этого года.

Последние месяцы общественность королевства с неугасаемым интересом обсуждала тайную свадьбу наследника Амирана аль-Мактума и старшей дочери шейха Адама аль-Саадата. Сегодня пресс-секретарь принца поведал нашему издательству истинную причину, по которой бракосочетание наследника несколько дней держалось в строжайшей тайне.

Выяснилось, что желание двух влюблённых соединить свои сердца в благословенном союзе не нашло поддержки у глав семей жениха и невесты. Чтобы заполучить в жены прекрасную дочь шейха, его высочество Амиран аль-Мактум организовал самую романтичную в истории королевства секретную операцию, целью которой было похищение девушки и вступление с ней в законный брак. Как мы можем наблюдать, спецоперация наследнику удалась.

Пресс-секретарь его Высочества сообщил, что невеста была похищена прямо из резиденции отца с помощью своего телохранителя, который теперь занимает одну из руководящих должностей в свите его Высочества, получив поистине бесценный и прекрасный подарок – вторую дочь «алмазного короля в качестве законной супруги».

Прочитав содержимое, я ошеломленно застываю. Мышцы брюшного пресса каменеют от напряжения.

– Эта статья пару дней назад появилась на всех таблоидах Анмара, – сухим тоном поясняет аль-Мактум. – Завтра утром появится в местной прессе.

– Зачем?

– А ты как думаешь? – прищурившись, с яростным шипением спрашивает эмир. – Или «думать» для тебя слишком сложно, Каттан? Тебе и не придется. Просто выучи слово в слово и вбей в свою голову, что все так и было, как написано здесь. Это понятно?

– Да, – отзываюсь севшим голосом. Эмир удовлетворённо кивает. – Она не пострадает?

– Научился думать о ком-то, кроме себя, Каттан? – в голосе наследника сквозит скепсис и высокомерие. Стиснув зубы, я проглатываю злость, предпочитая промолчать.

– Свободен, – небрежно бросает аль-Мактум, и принимает телефонный звонок, мгновенно забыв о моем присутствии.

Захлопнув дверь своего номера, практически с порога начинаю раздеваться. Сразу отметаю мысли о холодном душе. После двенадцатичасового дежурства, сон – это единственное, о чем я могу думать. Стаскиваю себя пиджак, вставляя ключ-карту в выключатель. Датчик не срабатывает, чтоб его. Чертыхнувшись про себя, прохожу к кровати, попутно скидывая обувь, пытаюсь нащупать в кромешной темноте панель ночника. И снова безрезультатно.

Тьма, хоть глаз выколи. Окна выходят на внутреннюю часть улицы. Свет фонарей и блики рекламных щитов практически не проникают в номер. Сбросив в кресло пиджак и рубашку, остаюсь в одном бронежилете и брюках.

Нашарив рукой трубку отельного телефона, собираюсь высказать администрации гостиницы все, что я думаю о качестве предоставляемого сервиса, и резко застываю, услышав в трубке полную тишину. Сердце пропускает удар, а все инстинкты усиленно вопят об опасности.

Задержав дыхание, я разворачиваюсь в сторону окна и медленно пячусь спиной к выходу. Легкое шевеление за портьерами вынуждает замереть на месте. Напрягаю зрение до рези, но все что могу рассмотреть, это размытые очертания невысокой фигуры в черном. В правый глаз попадает красный блик, и когда я понимаю его источник, инстинктивно дергаюсь назад.

– Не советую, Хамдан. Еще одно движение, и в твоей головы появится аккуратное отверстие, – произносит механический измененный голос прячущегося в темноте сталкера. Единственное, что можно определить наверняка, мой неизвестный гость – женщина.

– Парень, чей прицел сейчас находится в центре твоей лобной кости, еще ни разу не промахнулся, – безэмоционально продолжает леди в черном. – Поэтому давай договоримся сразу – ты слушаешь, отвечаешь, когда я спрошу, и, если твои ответы меня устроят, я уйду, и никто не пострадает, – деловито переходит к конструктивному диалогу. – Пока не пострадает, – уточняет для непонятливых.

– Я – агент разведки. Это помещение прослушивается и просматривается, как и весь периметр отеля, – мой голос звучит уверенно и ровно. Если бы ей нужен был мой труп, то мы бы не разговаривали сейчас.

– Ты же не считаешь, что я пришла сюда, не подготовившись? Не волнуйся, Хамдан Каттан, никто не узнает о нашем тайном свидании.

– Откуда тебе известно мое имя?

– Я все о тебе знаю. Но вопрос неверный.

– Чего ты хочешь?

Женщина удовлетворенно хмыкает:

– У нас есть общий враг. Мне нужно твое содействие.

– Если я откажусь?

– Пострадают люди, которые тебе очень дороги. Я могу назвать их по именам, начиная с твоих младших братьев и заканчивая женой человека, которого ты охраняешь. Ты же не хочешь этого, Хамдан?

– Кто тебя послал? – как правило, на этот вопрос отвечают после нескольких суток в пыточной камере, но попробовать стоило.

– У меня нет хозяина. Я сама по себе, – жестко отзывается сталкерша. – А ты? – делает выразительную паузу. – А ты хочешь избавиться от своего хозяина?

– Кто ты такая?

– Мое имя тебе ничего не даст, Хамдан. Мы не знакомы, но я владею исчерпывающей информацией о каждом из твоего окружения. Поэтому запомни первое правило нашего сотрудничества: затеешь игру со мной, и я начну отстрел без предупреждения. Не советую испытывать судьбу.

– Тогда, как я могу обращаться к тебе?

– Называй меня Ястреб.

Глава 4

Алисия

– Как ты? – в который раз за рабочий день интересуется Камила.

Время от времени, сестра под любым предлогом заглядывает в мой кабинет, и не покидает его до тех пор, пока я не замучаю ее тонкими намеками и кипой задач, которые ей будет куда лучше решить в своем рабочем пространстве.

Вот уже неделю я фактически живу в офисе. Беру пример со своего мужа, полностью посвятившего служению королевству. Выполнять необходимую рутину на автопилоте, не покладая рук и сил – то, что мне необходимо сейчас.

Не думать. Не чувствовать. Не перебирать в голове страх за страхом… Я уже все выплакала, от всего себя опустошила. Каждое утром я целый час провожу наедине с личным психологом, которую заодно собеседую и тестирую для работы в будущем центре.

– Не спрашивай меня, Ками. Хватит. Прошу, – расставляя акценты между четкими фразами, отвечаю сестре я, вновь замечая ее в дверях своего кабинета. – Ты уже сделала все, о чем я тебя просила?

– Нет, – Камила нервно закусывает нижнюю губу, расправляя невидимые складки на паранджe стального цвета.

Ей трудно справляться с моим ледяным настроением, но я знаю: Камила не винит меня за то, что я на некоторое время превратилась в требовательную и безэмоциональную снежную королеву.

– Я привела к тебе новую ассистентку. Я лично ее собеседовала. Девушка соответствует всем твоим требованиям.

– Проходите обе, – разрешаю, одобрительно кивая.

Как раз вовремя. Рамилия до сих пор в больнице и пока неизвестно точно, когда пойдет на поправку. Я попросила руководство госпиталя удерживать ее там, как можно дольше, предоставляя супругу-тирану соответствующую информацию о ее здоровье. Сейчас для Рэми, клиника – одно из самых безопасных мест.

– Лейсан Хабиб, – кротко представляется женщина, вошедшая в пространство моего кабинета, вслед за Камилой. Судя по мелким мимическим морщинкам на лице и слегка опущенным уголкам губ – ей около сорока лет. Может, чуть больше. Может, чуть меньше. Умный сосредоточенный взгляд в ожидании устремлен на меня. Беглым взором прохожусь по резюме Лейсан, что Камила предварительно отправила мне на почту.

Выдавив из себя приветливую улыбку, совершенно не соответствующую моему внутреннему состоянию, я приглашаю Лейсан и Ками присесть за переговорный журнальный столик, расположенный в центре моего кабинета.

– У вас отличное образование, Лейсан, – хвалю я, изучающе вглядываясь в лицо соискательницы. Семья Хабиб без всяких сомнений, очень консервативна: ее волосы закрывает плотно прилегающий никаб, и моему взору остается идентифицировать Лейсан только по большим темным глазам. Черные густые ресницы делают их яркими и выразительными без всякого макияжа.

– Благодарю, госпожа Мактум. Буду рада проявить себя на первой в своей жизни работе, – мягко произносит Лейсан, робко опуская взор.

– Твоя семья позволила тебе работать, или ты отправила резюме тайно? – спешу закрыть остро волнующий меня вопрос.

– Мой муж недавно скончался, госпожа, а других родственников у меня нет.

– А дети? – спрашиваю с тяжелым сердцем.

– Мы потеряли нашу дочь, когда она была совсем маленькой. Больше забеременеть у меня не получилось, – делится своей болью женщина. – Я одинока и хочу потратить нерастраченную любовь и сострадание на помощь пострадавшим и несчастным женщинам.

– Я сожалею…, – сглатывая горький комок подступивших слез, выдавливаю из себя дежурную фразу.

Может быть, не лучшая идея взять в команду женщину, олицетворяющую мой главный страх на текущий момент. «Больше забеременеть у меня не получилось». Однако решение приходит сразу. Я просто не могу поступить иначе:

– Я понимаю твою боль и потребность помогать другим, Лейсан, и предоставлю тебе такой шанс, – заключаю я. – Добро пожаловать в наш маленький островок свободы.

Сердце наполняется теплом, когда я замечаю, как лицо Лейсан озаряется искристой улыбкой, и я осознаю, что подарила надежду на светлое будущее еще одной женщине.

Это удивительное чувство – обладать возможностью быть полезной этому миру, выполнять свою миссию, следовать внутреннему зову.

Внезапно, короткое и стремящееся к своему логичному завершению собеседование прерывается вторжением одного из моих новых охранников, оповещающем о незапланированном визите Медины Каттан и Рамазана Бахира.

Жену генерала и мать Хамдана я знаю с детства, а второе имя мне неизвестно, хотя и кажется смутно знакомым. Интересно, как госпожа Каттан добилась у мужа разрешения на общение с посторонним мужчиной?

Хм…Рамазан Бахир. Такое чувство, что я слышу его имя каждый день. Возможно, он дальний родственник генерала и поэтому сопровождает Медину.

– Ками, помоги Лейсан освоиться, покажи все в офисе, объясни корпоративные правила. Будешь ее ментором, тебе пригодится этот опыт в будущем. Благодарю, – Камила послушно кивает, сочувственно поджав губы.

Последнюю неделю, сестра делает все, чтобы как-то помочь и угодить мне. И за это я люблю Камилу еще сильнее – сестра постоянно находится рядом, и старается делать все, чтобы я лишний раз не напрягалась и не расстраивалась.

Хорошо, что мое прошлое с ее мужем никак в итоге не повлияло на нашу родственную и дружескую связь. Я думала, что нашей сестринской дружбе конец, но в итоге мы стали друг другу ближе, чем когда-либо. Наверное, ключевую роль здесь сыграл тот факт, что Камила прекрасно видит, кем теперь заняты все мои мысли. Ключ от моего замерзшего сердца зажат в сильной ладони лишь одного мужчины – моего мужа.

Возвращайся. Согрей меня. Будь рядом.

Амиран, мне холодно без тебя в раскаленном солнцем Асаде.

Я замерзаю в нашем дворце.

Одна.

Сердце болезненно сжимается от тоски, немеет в груди волнами размеренной боли.

Ровно через минуту после ухода новой ассистентки и моей сестры, в кабинет врывается роскошная, обольстительная жена главы АРС.

Медина Каттан – женщина, от присутствия которой стекла в моем кабинете начинают дрожать, вызывает во мне глубокую симпатию и искреннее уважение. Стоит ли надеяться на то, что она отвечает мне взаимностью?

Вместо холодного и сдержанного приветствия, что я ожидаю от госпожи Каттан, Эрика мягко обнимает меня. Удивительно, но мать Нейтана не держит на меня обиды и не винит в проблемах, являющимися последствиями нашей порочной и запретной связи с ее сыном. Мне должно быть все равно, как ко мне относится Медина Каттан, но на самом деле, с сердца спадает еще один тяжкий камень.

– Рада тебя видеть, Алисия, – тепло приветствует меня Медина. Ее пухлые губы, покрытые ярко-алой помадой, невозможно оставить без внимания и немого одобрения – приятно, что многие женщины в Асаде не стесняются самовыражаться и быть собой, выделяться из толпы. Медина – одна из таких, кто никогда не опустит голову, не преклонит колено и при этом всегда будет выражать свое уважение и восхищение достойным людям.

– Я тоже рада. Что привело вас ко мне? – я сажусь напротив гостей. Рамазан и Медина опускаются на те места на диване, которые еще несколько минут назад занимали Камила и Лейсан.

– Хочу познакомить тебя с Рамазаном Бахиром. Он главный архитектор Анмара, – представляет своего спутника Медина Каттан. Как только я обращаю свой взор на мужчину, тут же вспоминаю кто он и чем так знаменит, что мелькает перед взглядом сотен людей Асада каждый день.

«Здание имени Рамазана Бахира…»

«Рамазан Бахир разработал новый проект…»

«Рамазан Бахир признан самым успешным архитектором среди постиндустриальных стран…» – мне вспоминаются сразу несколько положительных характеристик мужчины, которые я часто слышу в сводке новостей.

– Очень приятно увидеть лично того, о ком так много и часто говорят, – вежливо улыбаюсь визитеру. – Вы тот самый непревзойденный мастер, что спроектировал самое высокое здание на Ближнем Востоке. Также, нам стоит благодарить вас за

блестящую инфраструктуру в парках Асада. Ну и другие ваши проекты, бесспорно, великолепны. Вы – гордость королевства, – откровенно перечисляю заслуги Рамазана я, глядя ему прямо в глаза. – Ваши творения заслуживают восхищения и похвалы, – выражаю искреннее и истинное мнение, прекрасно понимая, что он сочтет его за вежливую лесть.

Этот привлекательный мужчина вызывает во мне самые приятные эмоции. Рамазан лет на десять старше меня, как и Амиран. Сдержанный, спокойный, и судя по деликатному взгляду, обращенному на жену самого эмира – воспитанный.

Его взор ни разу не спустился ниже уровня моих глаз, а этим грешат многие из секьюрити и охраны. Ну и здания Рамазана рассказывают о нем больше, чем он сам: подобное может спроектировать только гений с уникальным видением этого мира.

– Я так понимаю, вы пришли ко мне с определенной целью, – обвожу любопытствующим взглядом обоих.

– Я хочу представить вам проект планируемого центра для женщин. Его Высочество ввел меня в курс дела и возложил на меня честь оказывать вам содействие, госпожа, – ого, не думала, что архитектор найдет меня сам, а точнее, не ожидала, что Амиран отыщет в своем плотном расписании время решить этот вопрос за меня. – Буду признателен, если вы найдете время, чтобы ознакомиться с чертежами. Готов ответить на все вопросы и внести любые коррективы, если таковые понадобятся.

– Алисия, надеюсь, ты не сочтешь за наглость мое предложение о помощи, – подает голос Медина, прежде чем я успеваю ответить Рамазану. – И позволишь мне участвовать в создании центра.

Естественно, я понимаю, что она здесь тоже не просто так. Она мечтает закончить в Асаде то, чему когда-то сама положила начало.

– Я многое готова взять на себя, при этом следовать твоему четкому руководству.

– Вы уже пытались уже открыть подобные центры, – дипломатичным тоном припоминаю я известный факт.

– Да, но впоследствии из-за ряда независящих от меня причин, они были закрыты, – Медина Каттан сосредоточенно хмурится и взмахивает рукой, позвякивая дюжиной сверкающих браслетов с гравировкой арабских иероглифов. – Все закончилось тем, что у меня остался лишь не физический благотворительный фонд. Все средства я выделяю для оказания помощи пострадавшим девушкам. А мне хотелось бы куда большего, Алисия. У нас общая цель, нужно объединить силы.

– Я полностью поддерживаю. Этот центр станет символом окончания насилия над женщинами в Анмаре. Он будет первым, но не последним. Я заручилась согласием мужа на строительство еще пяти проектов, на реализацию которых заложено три года, – я взволнованно встаю, непроизвольно сжимая руки в кулаки. – Я знаю, где будет построен самый первый. Надеюсь, вы одобрите это место, – прикрывая глаза, вспоминаю слова Амирана и шелест ветра, что служил трагическим аккомпанементом к его рассказу о пятнадцатилетней девочке, которая ничего плохого не сделала, всего лишь впервые влюбилась… как и все мы в пятнадцать – до конца жизни, без оглядки.

«Вчера там же, где ты сейчас, стояла девушка. Она смотрела вниз, качаясь на ветру, из-за всех сил пыталась удержаться на ногах, пока ее отец, братья и другие мужчины из поселения, где она родилась и выросла, один за другим бросали в нее тяжелые камни, стараясь попасть в голову. Так быстрее. Они считали это милосердием. Девочка продержалась три минуты. Говорят, упав вниз, она умерла не сразу. Ее унесло рекой. Тело никогда не найдут, а убийц не накажут», – повторяю про себя голосом Амирана, в красках вспоминая пустырь перед смертельным утесом, бурлящую реку внизу и небольшой городок вдали.

Глава 5

Алисия

В который раз за последние пять минут, Саваж издает недовольный рык – ее прямой ответ на мою задумчивость, из-за которой я то и дело нервно сжимаю в кулаке ее белоснежную шерсть, вместо того, чтобы размеренно гладить. Уверена, секьюрити, наблюдающие за мной по ту сторону стекла вольера моей тигрицы, считают, что я сумасшедшая женщина, отчаянно играющая со смертью.

Но они не знают о том, насколько сильна и нерушима нить между мной и моей светлой девочкой. Прочная, языческая и никому необъяснимая связь. Я скорее пострадаю от очередного нервного срыва, чем от ее острых клыков или когтистых лап. К тому же, мне не впервой спать, общаться, обнимать, гладить и сжимать в ладони настоящего хищника… когда Амиран дома, я делаю это каждую ночь.

– Прости, моя маленькая дикарка. Еще и будущая мамочка, – извиняюсь перед Сэви я, ощущая, насколько гладкая и успокаивающая на ощупь у нее шерсть. Антистресс для моей нервной системы. Надеюсь, ей не больно. Саваж довольно и лениво мурлычет, переворачиваясь на другой бок, пока я продолжаю поглаживать ее. В последнее время она постоянно меняет свое положение, испытывая дискомфорт из-за растущих тигрят внутри нее.

Мне только предстояло познать подобные неудобства, но, увы…боли в спине из-за вынашивания сына мне больше не святят, как и бессонные ночи, детский плач из-за коликов в животе, постоянные побеги к его кроватке.

– Интересно, какой окрас будет у вашего потомства? – вслух рассуждаю я, вместе с Сэви поглядывая в сторону Тумана, что то и дело подбегает к стеклянной перегородке и манерно ударяет массивной лапой по невидимой преграде между ним и его любимой тигрицей. Мой взор резко перестает фокусироваться на диком звере, а разум уплывает во мглу подавляющих мыслей.

Теперь меня тревожит не только внезапная потеря малыша, но и постоянные сомнения в нашем совместном будущем с Амираном. Телефонные звонки, ненадолго соединяющие нас с мужем, не приносят утешения, не прогоняют ночные кошмары.

Мне нужен Он, рядом. Его руки, губы, прикосновения.

Я, как никогда, нуждаюсь в любви, нежности и заботе.

А он? Что у него в душе, сердце? В мыслях? Что если в глубине души его тоже терзают опасения, что я больше не смогу? Что со мной что-то не так?

А мне прекрасно помнится, насколько ему важно потомство, когда дело касается его драгоценного зверинца. Чего уж говорить о его собственном.

Будет ли он, по-прежнему, одержим мной? Будет ли любить меня, оберегать и защищать, желать меня? Буду ли я также сильно любима им, если не смогу иметь больше детей? И чего стоят такие чувства, если ответ «нет»?

Я знаю, что он бы сейчас ответил. Слово «нет» он просто бы не принял, не допустил в нашей возможной реальности. И возможно, если Мир сейчас бы был рядом, я бы была куда позитивнее. Ну а пока – сплошная тревога и диалог с собой.

– Госпожа, на территорию дворца прибыла гостья – родственница наследника. Она временно заселится в гостевой дом на берегу залива, – оповещает меня один из новых охранников, которого, кажется, зовут Зейн. Секьюрити зачастую выглядят настолько одинаково, что я иногда их путаю между собой.

Если это снова Жасмин или Зарина, то у меня к Амирану серьезный разговор.

– Что еще родственница? Я не совсем понимаю, – мы с Саваж синхронно поворачиваем голову в сторону Зейна. – Амиран в курсе?

– Естественно, мы получили особые распоряжения в отношении гостьи.

– Кто она? – требовательно спрашиваю я.

– Дочь брата правителя – Искандера Аль-Мактума, госпожа, – официальным тоном сообщает телохранитель.

Я с неохотой прощаюсь со своей пушистой, уютной и умиротворяющей беременной подругой и направляюсь в резиденцию, чтобы лично узнать у Ди, какого черта происходит. Может она знает ответ на набивший оскомину мне

вопрос: бесконечный поток женщин на территорию дворца когда-нибудь прекратится?

– Я давно знакома с Вирджинией, Алисия, – через десять минут, Дайан представляет мне нашу новую гостью, предварительно крепко обняв прибывшую девушку посреди просторного холла. – Джина, я так скучала.

Огромных усилий мне стоит держать язык за зубами и не послать новоприбывшую на мою территорию девицу, будь она хоть трижды родственницей. Мне эта Джина никто, и я не нуждаюсь в новых друзьях. Тем более, женского пола. Тем более, с разрешения моего мужа. Он совсем свихнулся, позволяя очередной женщине разгуливать по резиденции, не удосужившись объяснить, что дочь извращенца Искандера аль-Мактума тут забыла.

Я закалилась, как сталь, обрела железную выдержку, и мне все чаще удается контролировать свои эмоции. Хотя огромную и взбалмошную часть меня, так и подмывает ляпнуть: «В доме отца Вирджинии места не нашлось?», но Дайан видимо, итак, уже читает этот немой крик по моему взгляду и легким взмахом ресниц, и немым взором уверяет меня «это не то, о чем ты подумала».

Очень на это надеюсь. Иначе, зачем Амирану устраивать проходной двор из нашего дома? Хотите погостить во дворце наследника Анмара? Без вопросов. Кто следующий? Амиран Аль-Мактум ждет всех! Еще большей тревожности добавляет осознание того факта, что браки между двоюродными братьями и сестрами в Анмаре не запрещены.

– Добро пожаловать, Вирджиния. Чувствуй себя, как дома, – я нахожу в себе силы с достоинством встретить гостью. Без истерик и выяснения отношений с Дайан. Уверена, ее появлению найдется логичное объяснение, которое угомонит бушующий шторм ярости в моей душе.

На проявление этой ярости у меня просто нет сил. Они покинули меня вместе с ребёнком и я не знаю, вернутся ли они ко мне снова.

– Благодарю, Алисия. Безумно рада увидеть тебя собственными глазами. Теперь я понимаю, почему Мир ждал тебя и так долго не женился, – журчащим голосом любезничает со мной Вирджиния. Я бы хотела сказать, что ее голос звучит

фальшиво, но на первый взгляд незваная гостья кажется доброжелательной и безобидной. Мой взор скользит по черной абайе и плотному платку, покрывающему ее волосы – естественно, Вирджиния мусульманка, но судя по отсутствию обручального кольца – девушка не замужем. Но, с другой стороны, будь у нее муж, она бы сюда не заявилась.

Раздражает еще и то, что Вирджиния примерно моего возраста. Может, даже чуть младше. Удивительно, что Искандер Аль-Мактум не позаботился о муже для дочери. Продолжением рода в Анмаре одержимы абсолютно все мужчины, без исключения. Вспоминая об Искандере и том самом дне свадебного путешествия, когда я была вынуждена с ним познакомиться и лицезреть его неприятную фигуру, я рефлекторно морщусь.

– Она у Рана просто волшебная. Самая лучшая, – крепко обнимает меня Дайан. – Сначала мы не особо ладили…но, если честно, я просто жутко ревновала брата, – хихикает Ди, подтверждая мои догадки о причинах наших конфликтов в прошлом.

– О да, я понимаю, – многозначительно тянет Вирджиния. – Ты всегда превращалась в злобную фурию, если видела рядом с Амираном любую особу женского пола.

– Ты стала приятным исключением, – обескураживает меня своим ответом Дайан.

Что? Что, мать вашу?

– Только потому, что не представляла угрозы для сердца твоего брата, – тепло отзывается Вирджиния. Я едва не киплю от негодования. Объясните мне кто-нибудь, что происходит!

В выразительных янтарных глазах гостьи отражается озорство и приятные воспоминания, о которых мне ничего неизвестно. Почему? Если девушки – близкие подруги, то подобное молчание выглядит подозрительно. Или я снова придумываю несуществующие проблемы?

– Тем не менее, мне лучше всех известно, как ты не хотела отдавать Рана в чужие руки, – упоминая моего мужа, девушка подтверждает факт близкого знакомства с ним, хотя это и так очевидно. Как иначе Дайан могла подружиться

с дочерью Искандера аль-Мактума, если не через родного обожаемого брата?

– Дайан, насколько я знаю, ты постоянно жила в США. А Вирджиния, наверняка…, – сдержанно, из банальной вежливости начинаю интересоваться я, чтобы прояснить некоторые важные для меня моменты.

– Мы учились вместе с Дайан, на одном факультете в Америке, – бестактно перебивает меня Вирджиния, за что я награждаю ее высокомерным и колким взором, но девушка лишь широко и непринуждённо улыбается. – Я с трудом уговорила отца позволить мне учиться в Штатах, и он разрешил только после того, как Амиран пообещал ему присматривать за мной. В то время Ран территориально чаще находился в Нью-Йорке, чем в Асаде. В итоге, его обязанности взяла на себя Ди. Амиран убил одним выстрелом двух зайцев, отправив нас в один университет.

– Но, разве ты не раньше должна была получить образование? – недоумеваю я, обращаясь к Дайан. Вопрос не лишен оснований – между девушками большая разница в возрасте.

– Меня отчислили, когда я забеременела в первый раз, а потом было не до учебы, – с досадой объясняет Дайан. – Если бы не Ран, так бы и не получила диплом. Джина преувеличивает мои заслуги. Брат обеих нас строил, как на плацу. Полный отчет после каждой сессии, железный контроль. Как итог – ни одного дисциплинарного выговора за четыре года. Строже надзирателя, чем Амиран представить трудно, – расслабившись, смеется Ди.

Я ее веселья не разделяю. Мне дико не нравятся всплывающие подруги из прошлого мужа. Мне тоже «трудно представить», что его может связывать с женщиной просто дружба, даже если эта женщина – кузина.

– Мир умеет мотивировать усердную тягу к знаниям, – продолжает щебетать Вирджиния, – Могу тебя заверить, Алисия, ни одной из нас не приходило в голову нарушать правила университета, и я благодарна ему за это.

– Джина – дипломат, – с гордостью заявляет Ди.

– Секретарь в консульстве, – поправляет помрачневшая гостья. – В данный момент бывший.

Мне почти неинтересно слышать это. Не могу сказать, что что-либо способна чувствовать сейчас, кроме парализующего шока и удушливой внутренней пустоты.

– Когда Амиран находил для нас время в своём перегруженном графике, мы иногда собирались втроем. Дружеские посиделки, – Дайан делает явный акцент на последнем предложении, внимательно сканируя черты моего лица на предмет ревности.

Уверена, что мне сейчас завидуют все игроки в покер. Я нахожусь в настолько оглушенном состоянии, что тело просто не способно адекватно отреагировать на происходящее.

– Да. Не знаю, чтобы делала без вашей поддержки, когда потеряла маму, – печально потупив свой взор, вспоминает Вирджиния, с благодарностью глядя на Дайан. Теперь понятно, что еще больше сблизило девушек. Нет ничего крепче между людьми, чем узы, сплетённые в момент проживания совместного счастья или горя.

– Она всегда с тобой, милая. Как и наша, – ободряюще напоминает Дайан, погладив подругу по зажатому плечу. – Рада покажет тебе твой уютный коттедж. Ты уже в нем останавливалась, когда в прошлый раз поскандалила с отцом. Помнишь?

– Конечно. Некоторые вещи не меняются даже с годами. Кто-то набирается мудрости, а мой отец становится все более невыносимым с возрастом, – с грустью отзывается Вирджиния.

– Все наладится. Вот увидишь. Зайдёшь вечером на ужин? – Дайан переводит разговор на позитивную тему. Гостья согласно кивает, а некоторые из моих секьюрити вызываются помочь Вирджинии с вещами. Не удивительно. От девушки исходит настолько беспомощная энергетика, что пока Джина вызывает только жалость, острое желание ее накормить. Анорексично впалые скулы подчеркивают утонченность молодой женщины. Аристократические черты лица и природную красоту Вирджинии не скроет даже темная паранджа и плотный никаб.

Когда, наконец, гостья вместе с Радой покидают парадный холл, я сразу перехожу к делу и устраиваю Дайан детальный допрос:

– Дайан, что происходит? Тебе не кажется, что появление Вирджинии сейчас абсолютно неуместно и несвоевременно? Мы – семья. И, на мой взгляд, в семейном доме нет места посторонним женщинам. Даже если это родственница наследника и короля. Это какой-то абсурд, Ди. Если считаешь, что я не права, то скажи прямо.

Кажется, Амиран навсегда потерял свою истеричную, когтистую и рычащую тигрицу. Еще никогда мои претензии не звучали столь апатично, несмотря на четкость произносимых слов. Хотя где-то глубоко внутри мне хочется кричать: «Тебе мало тех двух женщин, что стали триггером для моего нервного срыва и потери нашего ребенка?»

Я стараюсь не винить Амирана, правда. Наверное, мой муж знает, что делает. Я все еще пытаюсь убедить себя в том, что я по-прежнему нужна ему, как раньше. Что он любит меня. Что мы вместе оправимся после всего этого кошмара и тяжелого для нас обоих удара…и начнем, наконец, все заново, оставив далеко позади мою первую любовь, мою глупость, его измену и потерю малыша.

Но очень тяжело не порицать эмира, когда на порог заявляется красавица-Вирджиния, которая теперь по непонятным мне причинам будет находиться на территории резиденции. Я не могу быть уверена в том, что Джина – не его запасной вариант, не предполагаемая вторая жена…черт возьми, а что, если это действительно так? Амиран будет держать под боком вторую женщину, в случае если я долго не смогу забеременеть? Ведь брак между кузенами – норма для Анмара, как бы дико это не звучало для западного человека.

Все это даже звучит немыслимо, невероятно, неправильно. В тот момент, когда я начала влюбляться в него все больше и больше, я не вижу ни капли взаимности с его стороны.

– Ты права, дорогая, – с пониманием отзывается Дайан. – Я разделяю твое недоумение. Причины приезда Джины пока мне неизвестны, но они наверняка весьма серьезны, раз Амиран позволил ей остановиться во дворце. Заверяю, между ними никогда не было ничего, кроме дружеской симпатии. Ты не должна сомневаться в чувствах мужа. Он любит только тебя, – Дайан произносит фразу,

которой я не найду сейчас ни одного подтверждения.

Любовь – это быть рядом, прикасаться, заботиться, уделять время. Несмотря ни на что. Вопреки всему. Вопреки тому, что долбанный мир рушится, стране сулит Армагеддон…и пусть я рассуждаю эгоистично, но я бы не бросила его, если бы была королевой Анмара. Я бы предпочла путешествовать с Амираном по горячим точкам, чем сидеть здесь – в изоляции, заточении, неведении и своих домыслах о нашем будущем.

– Ты куда, Алисия? – окликает меня Дайан, когда я стремительно разворачиваюсь и направляюсь в сторону лестницы, ведущей в нашу с Миром спальню. – Я хотела, чтобы мы поужинали все вместе, поговорили…

– Мне просто нехорошо, Дайан, – веду плечом я, отмахиваясь от назойливой и заботливой Дайан. – Я все еще нуждаюсь в восстановлении и отдыхе, – честно признаюсь я. – Давайте как-нибудь без меня, – кивнув Дайан, пулей поднимаюсь по лестнице и с блаженным выдохом, скрываюсь в наших покоях.

Оказавшись в комнате, беру с туалетного столика телефон и выхожу на террасу. Грозовые тучи клубятся над вечерним Асадом кольцами черного дыма, пока я набираю номер своего мужа. К моему удивлению, Мир отвечает почти сразу – словно он предвидел мой поспешный звонок и держал руку на пульсе, не желая пропустить его.

– Что-то случилось, малышка? – обволакивающий голос Амирана действует на меня как укол эндорфина внутривенно, но даже это не остановит сейчас мой порыв все выяснить и расставить некоторые точки над «и». Я много раз за последние дни сдерживала перечень накопившихся претензий, стоило увидеть его уставшее, но неизменно улыбающееся лицо в диалоговом окне монитора, или услышать хрипловатый голос, но сегодня мое терпение треснуло по швам.

– Наш дворец стал напоминать проходной двор. Вот, что происходит, Амиран. Какого Шайтана твоя «подруга-кузина» делает в резиденции? Ты мог бы снять ей целый отель, если она так важна для тебя, приставить свору охраны, но избавить меня от всего этого…, – задыхаясь, перечисляю я, ощущая, как противоречивые чувства закипают внутри.

– Дворец большой, Джина не доставит тебе проблем, tatlim, – ровным, вкрадчивым тоном объяснят Амиран. – Извини, Алиса, я должен был сообщить заранее. Причины я объясню, когда вернусь, а сейчас, прошу тебя, выдохни. Джина совершенно безобидна. У вас с ней много общего. Уверен, что ее общество поможет тебе отвлечься.

– Правильно я тебя понимаю, ты считаешь, что мои претензии и гнев беспочвенны, и мне, правда, не о чем беспокоиться? Амиран…, – внезапно, я вновь вспоминаю, что в самые трудные дни в мои жизни, его просто нет рядом, и нахожусь на грани того, чтобы разрыдаться прямо в трубку.

– Правильно понимаешь. Нет причин для претензий. Только ты занимаешь все мои мысли. Вирджиния – друг семьи, не более, – я отвечаю на нейтральную реплику мужа взволнованным всхлипом. – Ну, что случилось, сладкая? Неужели ты думаешь, что я мог бы притащить в свой дом любовницу и поселить рядом с женой, чтобы по приезду бегать из спальни в спальню?

– Нет, но…

– Никаких «но», Алиса. Ты, я и больше никого. Моя любимая ревнивая tatlim не имеет конкуренток, – шепотом признается любимый мужчина. И я верю ему, бесконечно хочу верить ему, глотая жгучие слезы в гордом одиночестве.

– Единственная, помнишь? – мягким и бархатистым тоном стелет мне он.

– Не помню, Амиран. Еще несколько дней и я забуду, как ты выглядишь. Почти три недели, Ран. Слишком долго. Я дико скучаю. Так сильно, что невыносимо просыпаться по утрам, зная, что снова не увижу тебя, – слова вырываются сами, рвутся из эпицентра раскрытого и обнаженного перед ним сердца. Я почти сказала, что люблю его. Немного другими словами, но я чувствую: он осознает смысл. – Когда ты вернешься домой? Я больше не выдержу без тебя, – нервно кусая губы, бормочу я.

– Я пока не могу ответить на твой вопрос сейчас, сладкая, – слышу по интонации, насколько тяжело Амирану даются эти слова, но тем не менее он не находит больше фраз, чтобы как-то успокоить или обнадёжить меня. А значит – успокаивать нечем и прогнозы на ближайшее совместное будущее неутешительные.

– Тогда я тоже не могу…точнее не хочу сейчас разговаривать.

Амиран произносит строгое «Алисия», но я тут же бросаю трубку и пишу ему простое сообщение, отражающее всю суть бурлящих внутри эмоций.

«Я знаю, что в первую очередь ты будущий правитель своей страны, и только во вторую – мой муж. Мне чертовски хочется быть мудрой и сдержанной, но очевидно – я еще не научилась этому. Я вынуждена молчать о том, о чем хотела бы кричать, потому что знаю, насколько тебе важно сейчас сосредоточиться на проблемах в Анмаре. И все же, Мир… Мы уже потеряли ребенка. Теперь ты хочешь потерять еще и меня? Потому что я не знаю, насколько меня хватит… Когда-то я мечтала о том, чтобы ты находился как можно дальше от меня, но теперь все иначе. Вселенная всегда исполняет желания с опозданием…»

Пишу быстро, глотая едкие слезы, а потом… стираю.

Глава 6

Амиран

– Сбросила вызов? – подняв на меня проницательный взгляд, любопытствует Мердер. – Может, стоило сказать сразу, а не устраивать нежданчик. Женщины не любят подобные сюрпризы. Может, твоей жене нужно время, чтобы подготовиться и встретить тебя особым образом, – Колман многозначительно подмигивает, но тут же меняется в лице, поймав мой тяжелый взгляд. – Прости, я забыл, что вам сейчас не до этого.

– Все нормально, Кол, мы разберёмся, – отвечаю нейтральным тоном. – Проблема в другом. Я абсолютно забыл про Джину. Не взял в расчет, насколько Алиса ревнива, – мрачно киваю, переводя взгляд в иллюминатор.

Повод для ревности я продемонстрировал наглядно, хотя и непреднамеренно, но, Шайтан подери, тогда мы оба неслабо накосячили. Я был чертовски зол и вымотан, а она дьявольски упряма.

После я неоднократно давал Алисе понять, что других женщин для меня не существует. Однако зерно сомнения успело дать ростки и выдирать этот сорняк с корнем придется мне, и возможно, неоднократно.

– К Вирджинии не приревнует только святая, – с ухмылкой отзывается Колман. – А тебе досталась тигрица с гонором. Смотри, как бы глаза Джине не выцарапала.

– Для этого нет причин, – начинаю раздражаться от болтливости друга. Во время полетов парень нервничает и частенько несет всякую чушь.

– Серьезно? – с сомнением тянет Мердер. – Насколько я помню, дочурка Искандера неровно к тебе дышала, да и он сам не отказался бы от родства.

– Мы и так родственники, – резко отзываюсь я, бросив на друга предупреждающий взгляд. – Закроем тему.

– Молчу, дружище, – Колман покорно склоняет голову, продолжая иронично улыбаться. Я снова переключаюсь на мелькающие за стеклом иллюминатора пейзажи.

Боинг разгоняется по частной посадочной полосе. В считанные секунды начнется взлет. Я наконец-то возвращаюсь домой, завершив первую стадию переговоров со сравнительно неплохими результатами. Спустя без малого три недели, заполненные чередой напряжённых переговоров и совещаний, компромисс с американской стороной по-прежнему не достигнут, но положительные тенденции к сохранению экономических отношений намечены. Учитывая накалившееся политическое напряжение между королевством и штатами и внутреннюю непростую обстановку, я везу в Анмар, без сомнения, хорошие новости.

Можно перевести дыхание и набраться сил для второго этапа переговоров. Не знаю точно, сколько у меня времени, но надеюсь, что его окажется достаточно, чтобы наладить отношения с Алисой.

Черт, «наладить отношения» даже звучит удручающе. Нет, я не считаю, что между нами что-то разладилось. Мы пережили общую трагедию, и я был

вынужден уехать вместо того, чтобы поддержать ее, вытащить из тяжелого стрессового состояния. Слова tatlim, сказанные в палате: «сделай все правильно, я справлюсь и буду ждать» только звучат уверенно, но я знаю, что в глубине души моя тигрица бесконечно страдает и терзает себя. Знаю, потому что сам чувствую то же самое, но я обязан держать удар и Алисию выбрал именно потому, что увидел в белокурой бунтарке внутренний стержень и сильный характер. Она действительно справится с любыми жизненными ударами и сложностями…, если я буду рядом. А я буду. Совсем скоро.

Я лечу к тебе, tatlim, чтобы осушить твои слезы и унять нашу боль. Одну на двоих. Мы не должны оглядываться назад, каким бы невозможным это не казалось сейчас. Слова утешения бессмысленны, ни время, ни полная погруженность в работу не исцелят. Никто не залижет наши раны кроме нас самих.

Мы откроем новую страницу, tatlim, и на ней больше не будет темных пятен, сомнений, ревности и недомолвок. Период отрицания и междоусобных войн закончен. Чтобы не случилось, вместе мы сильнее, ты тоже увидишь это. Я покажу тебе, девочка. Нет никаких преград, мне ничего не страшно, я непобедим и бессмертен, если знаю, что ты меня ждешь.

«Я дико скучаю. Так сильно, что невыносимо просыпаться по утрам, зная, что снова не увижу тебя»

Этим утром я сам тебя разбужу, сладкая.

Кортеж въезжает на территорию резиденции глубоко за полночь, взбудоражив непредупреждённую дежурную смену службы безопасности. Когда я выхожу из автомобиля, меня встречает полный состав охраны и прислуги.

Поприветствовав всех и распустив по рабочим местам, я бодро направлюсь к парадному входу. В самолете мне удалось немного вздремнуть, и я чувствую себя отдохнувшим, полным энергии и предвкушения встречи с tatlim.

Я тоже дико соскучился, моя сладкая.

Очень жаль, что невидимкой просочиться в спальню нет ни малейшего шанса. Простые человеческие радости будущему королю, увы, недоступны. Застать мою

тигрицу врасплох, спящей в нашей постели, не получится, а я хотел бы увидеть первую реакцию в распахнувшихся после сна кристально-прозрачных глазах Алисы. Ту самую – настоящую, неконтролируемо-честную.

Я захожу в холл и быстро передвигаюсь в сторону гостиной, почему-то уверенный, что как обычно первой по лестнице слетит Дайан, обладающая особым чутьем на мое появление.

Но на этот раз ошибаюсь.

– Амиран, – с рваным вдохом произносит мое имя tatlim, неподвижно застывшая внизу лестничного пролёта.

Взлохмаченная, бледная, беззащитно-растерянная, в одной шелковой брючной пижаме. Ее сверкающий в полумраке взгляд прикован к моему лицу. Недоверчивый, напуганный, счастливый и одновременно полный немого отчаяния. Бесконечный спектр сменяющих друг друга эмоций. Я не успеваю распознать каждую, слишком много и все для меня.

Этого взгляда стоило ждать и десять, и двадцать лет, но сейчас мне жутко жаль потерянного времени. Его никто не вернет, но у нас есть в запасе будущее, и это знание наполняет меня триумфом.

Вцепившись в перила обеими руками, Алисия судорожно дышит, трясет головой, открывая рот, силясь что-то сказать.

Я останавливаюсь в арочном проеме просторного зала, залитого приглушённым светом, с ласковой улыбкой глядя на свою потерявшую дар речи тигрицу.

Рычать мы сегодня не будем, сладкая.

– Беги ко мне, девочка, – хрипло зову я, шагая вперёд и раскрывая объятия. И она бежит, наперегонки с Афрой, стремительно появившейся из-под лестницы.

– Успела, – смеюсь счастливым смехом, поймав свою единственную девочку.

Приподняв над полом, крепко прижимаю к себе, зарываясь носом в пепельные растрёпанный локоны, вдыхая любимый аромат, насыщая лёгкие необходимым кислородом, который тут же горячим жаром разливается по венам. Оставшаяся без внимания Афра сердито тычется мордой мне в ноги, но ни я, ни хлюпающая носом Лиса не замечаем кошачьего недовольного урчания.

– Убить тебя готова, кто так делает? – всхлипывает Алиса, приподнимая голову, чтобы посмотреть мне в глаза. – Ты садист, Амиран. Я себе места не нахожу, а ты… ты…

– А я здесь, с тобой, весь твой, tatlim, – обрываю невнятные причитания. – Бери меня и делай все, что хочешь, – снова сипло смеюсь. – Или я сам сделаю, все что хочу. С тобой, – обещаю низким шёпотом. – А я хочу. Шайтан, я так много и долго хочу, tatlim.

Поставив Алису на ноги, обхватываю точеные скулы и требовательно целую в приоткрытые в возмущённом восклицании губы, раздвигаю языком, жадно проникая в рот, гортанно рычу, насыщая вкусовые рецепторы необходимой, как воздух, сладостью.

Соитие наших губ трудно назвать нежным и чувственным, я слишком оголодал вдали от любимого лакомства и агрессивно пью каждый ее вдох, стон, улавливая ответную дрожь хрупкого тела. Она поддается, отдаваясь во власть своего одичавшего хищника, но лишь на пару мгновений, после которых я чувствую протестующее прикосновение ладошек к моему пиджаку.

– Ран, подожди, – разорвав поцелуй, она глотает воздух, отклоняясь назад. – Не так сразу. Я задохнусь.

– Хочу, – бескомпромиссно рявкаю я, удерживая свободной рукой белокурый затылок, и снова сминаю припухшие от первой атаки губы, всасываю ее язык с влажным звуком, от которого закипает кровь.

Она сдаётся, отвечая с не меньшим пылом, цепляясь пальцами за лацканы пиджака и привставая на цыпочки. Афра пренебрежительно фыркает, и ленивой поступью направляется обратно за лестницу, так и не дождавшись ласки хозяина. Всегда говорил, что кошки – исключительно умные животные.

– Сладкая моя девочка, – иступлено бормочу я, дав Алисе мимолётную передышку. – Такая вкусная, – нетерпеливо оглаживаю горячими ладонями бьющееся в моих руках стройное тело, вжимаю в своё, шокируя своим натиском и каменно-твердой эрекцией, сквозь слои ткани, упирающейся в нежный живот tatlim.

– Ран, притормози, – очередной слабый писк растворяется в разгоряченном поцелуе.

– Даже не проси, – с глухим рокотанием отзываюсь я, остервенело исследуя свою захваченную территорию, замечая малейшие изменения. – Похудела, – неодобрительно рычу, прикусывая нижнюю губу Алисы. – Уволю повара, раз тебе не нравится, как она готовит.

– Не смей, Амиран, – испуганно выдыхает tatlim, приняв угрозу за чистую монету.

– Наверх, – коротко приказываю я, подхватывая на руки свою лёгкую, почти невесомую жену.

Молниеносно преодолев пару лестничных пролетов, плечом открываю дверь нашей общей спальни и прохожу внутрь. Все это время Алисия кротко лежит в моих объятиях, неотрывно изучая меня настороженным взглядом, нерешительно касаясь моих небритых скул, трогая подбородок, губы.

– Успела забыть, говоришь? Ну как? Теперь вспоминаешь? – гулко ухмыляюсь я, глядя в блестящие бездонные озёра.

– Это невозможно, Амиран. Забыть тебя. Только забыться. В тебе, – с какой-то щемящей, трогательной грустью отзывается Лиса. Ее голос шелестит почти беззвучно, словно легкий бриз, бегущий по траве с залива.

– Не бойся забыться во мне, Алиса. Я этого хочу, – повелительным тоном шепчу, невесомо скользнув губами по пульсирующему виску, и с твердой решительностью смотрю в бледнеющее в интимном сумраке спальни лицо.

– И всегда получаешь все, чего хочешь, – ее глаза, обращенные на меня, блестят, наполняясь влагой. – Когда-нибудь было иначе?

– С тобой все иначе, – признаюсь хриплым шёпотом, опуская Алисию на кровать. Коварно улыбаюсь, снимая пиджак и бросая его в кресло у стены. – Что ещё тебе напомнить, сладкая?

– Амиран, – напряженный тон голоса не оставляет сомнений в том, что я услышу дальше. Алиса зажимается, торопливо отползая к изголовью смятой кровати и принимает защитную позу, обхватывая свои плечи руками. – Давай немного подождем. Физически я здорова, но морально не способна…, – она подавленно замолкает, пугливо наблюдая, как я неторопливо избавляюсь от одежды, складывая поверх пиджака, рубашку, ремень, брюки. Последними снимаю носки, и, оставшись в одних боксерах, неумолимо направляюсь к кровати.

– Мне нужно больше времени, Мир, – с тихой мольбой просит Алисия, когда я склонюсь над ней, опустившись коленями на матрас. Ее взгляд утыкается в мою грудь, губы и ресницы дрожат, выдавая весь спектр эмоций.

– Хочешь продлить свою агонию? И мою тоже? Купаться в страдании и жалости к себе – это не исцеление, – мягко поддев пальцами заострившийся подбородок, заставляю взглянуть на меня. – Алиса, я знаю, что ты чувствуешь, – погладив большим пальцем впалую щеку, ловлю неуверенный несчастный взгляд голубых глаз. – Поверь, я понимаю, и помню, как долго ты способна цепляться за прошлое, оглядываться назад, терзаясь чувством вины. Это не работает, сладкая, не поможет, – уговариваю я напряженную застывшую жену, поглаживая раскрытыми ладонями зажатые плечи. – Только разделив свою боль со мной, ты ощутишь облегчение. Не закрывайся, tatlim. Ты сильнее, чем тебе кажется.

– Нет во мне никакой силы. Ты все придумал, Ран, – горько возражает Алисия дрогнувшим голосом.

– Подними руки, любимая, – прошу я без категоричной настойчивости. Она повинуется, но через силу. В распахнутых глазах бушует настоящий шторм. – Ты моя бурная река, сладкая, бегущая по горным ущельям, минуя пороги и образуя водопады, – нашептываю, завораживаю обволакивающим голосом, неспешно и аккуратно снимая с девушки верхнюю часть пижамы. – А я твой океан. Впадай в меня, девочка.

– Падай, ты хочешь сказать? – Алиса беззащитно скрещивает руки на обнажённой груди, но я решительно развожу их в стороны.

– Река сливается с океаном, tatlim. И это самый естественный в мире процесс, – поправляю хрипло, нежно кружа пальцами по ореолам розовых сосков, и продолжая отвлекать разговорами.

– Она растворяется… растворяется в нем, – вздрогнув, упрямо качает головой Алиса.

– Становится его частью, но никуда не исчезает. Река – источник, сладкая… Такие маленькие, невероятно красивые, очень чувственные, – наклонившись, поочередно трогаю языком затвердевшие от моих манипуляций бутоны, одновременно стаскивая с плотно сжатых бедер Алисии пижамные штанишки. – Твои мышцы всегда сжимаются вокруг моего члена, когда я делаю так, – плотно обхватываю губами сосок, втягивая его в рот, и выпускаю с причмокивающим звуком. – Находясь глубоко внутри. Мне так нравится, когда ты так остро реагируешь. Я обожаю твое тело, сладкая, боготворю его…. Крошечные, как у девочки, – снова облизываю по кругу, один, второй, мягко прикусываю, прислушиваясь к отклику обнаженного тела, незаметно и ненавязчиво подминая его под себя.

– Ничего они не маленькие, – просыпается моя бунтарка. Дыхание Алисы сбивается, кожа покрывается мурашками, в потемневших зрачках плывет уже знакомая мне горячая пелена.

– Я говорю о твоих сосочках, малышка, – улыбаюсь я. Удерживая вес на одном локте, свободной рукой дотрагиваюсь до гладкого лобка Алисии, спускаясь пальцами ниже.

– Нет, не могу, – она сжимает бедра, отрицательно тряхнув головой, взгляд снова светлеет до льдисто-голубого оттенка.

– Твой организм перенес стресс, но ни ты, ни твоё тело не виноваты в произошедшем. За что ты себя наказываешь? – спрашиваю, лениво рисуя зигзаги внизу живота Алисии, покрывая короткими поцелуями ее грудь и плечи.

– Ты обещал, что не будешь торопить, – сипло напоминает Лиса, борясь с пробудившимися желаниями, считая их неправильными, неуместными, предательскими.

– С рождением детей, – дополняю я, осторожно, но уверенно раздвигая ее бедра коленом и устраиваясь между ними. – Ты не забеременеешь сейчас, сладкая. Тебе нечего бояться. Врач ввел тебе контрацептив, действие которого рассчитано на полгода.

– Я не хочу, Амиран, – с шипением выдыхает Алиса, ощущая прикосновение моего натянувшего ткань боксёров возбужденного члена к раскрытой промежности.

– Разумом – нет. Этот блок мы уберём. Я вытащу тебя с необитаемого острова скорби, куда ты себя заточила, и верну туда, где ты должна быть. Прямо сейчас.

– Нет, – боязливо всхлипывает, положив ледяные ладошки на мои плечи.

– Да, Алиса, испытывать чувство потери и удовольствия в один период времени – не преступление, – настойчиво убеждаю жену прислушаться к моим словам. Она не упирается, но в тревожных выразительных глазах все еще плещется сомнение. Где-то глубоко, на самом дне. – Считай происходящее анестезией для нас обоих. Выбирай жизнь, сладкая. Всегда чтобы не случилось, выбирай жизнь, – я накрываю ее губы своими, требовательно сминая их, раскрывая и проталкиваясь языком внутрь. – И меня, – оторвавшись, тяжело дышу в покрасневшие и блестящие от слюны губы.

– Считай происходящее анестезией для нас обоих. Выбирай жизнь, сладкая. Всегда чтобы не случилось, выбирай жизнь, – я накрываю ее губы своими, требовательно сминая их, раскрывая и проталкиваясь языком внутрь. – И меня, – оторвавшись, тяжело дышу в покрасневшие и блестящие от слюны губы.

– Тебя…, – она смаргивает капли влаги с ресниц, возвращая мне соленый мучительно-нежный доверчивый поцелуй. Избавившись от боксеров, я полностью накрываю ее собой, упираясь локтями в постель и заключая прекрасное лицо жены в горячие ладони.

– Никаких слез, сладкая, – слизываю влажную дорожку с уголка глаза. – Только вперемешку с оргазмами, – добавляю хрипло, толкаясь налившейся головкой члена в нежный вход, погружаясь только на пару сантиметров.

– Ран, – ее глаза испуганно расширяются.

– Не бойся, я буду очень острожен. Больно не будет, обещаю.

– Так быстро…, – она задерживает дыхание, напрягаясь всем телом, сердце напротив моего колотится оглушительно громко и сильно.

– Мы начнем с того, что ты боишься больше всего, а потом вернёмся к прелюдии, – озвучиваю свои действия, медленно проникая вглубь. – Если захочешь.

– Мне страшно, что я ничего не почувствую… – шепотом признается Алисия. – Что не смогу дать тебе того, что ты хочешь.

– Все, чего я хочу, уже мое, tatlim, в моих руках, в моем сердце, – без колебаний отвечаю я. – Ты мой источник, Алиса, иди ко мне, – глубокий толчок на выдохе, ее сдавленный слабый стон.

Опоясывающее удовольствие натягивает каждый нерв на моем теле, напряжение в мышцах от вынужденной сдержанности только усиливает ощущения. Я начинаю медленно двигаться, проникая во влажные тиски ее лона в одном темпе. Настроенное под меня тело жены откликается, узнает, подстраивается под выбранный ритм, но мысленно Алисия все еще противится скользящему внутрь и наружу наслаждению. Она облизывает губы, слишком зациклившись на своих ощущениях, точнее на страхе, что они изменились.

– На меня смотри, – приказываю более жестким тоном. – Не думай, сладкая. Ныряй со мной, – задыхаясь, я глажу ее губы своими, настойчиво удерживая ее взгляд. – Моя красивая смелая девочка. Не сдерживайся, – хриплю я, наращивая темп. – Удовольствие – это лекарство, не отказывайся от него, – полностью выхожу, сделав несколько дразнящих движений головкой члена по клитору, снова погружаюсь до предела. Она так сладко дрожит, срывается на глухие стоны.

– Шайтан, как же мне хорошо с тобой, – сдерживаться становится сложнее, когда я ощущаю, какой влажной она становится, как поддается бедрами навстречу, тяжело дышит сквозь стиснутые зубы, как ее плоть сдавливает мой член, когда я сжимаю пальцами тугие соски. – Черт побери, девочка, – бормочу я, закрывая глаза первым. Трехнедельное воздержание дает о себе знать. Я чертовски близко. На висках и спине выступает испарина.

– Давай со мной, – ткнувшись лбом в ее лоб, хрипло зову я, быстро и глубоко вбиваясь между разведённых бедер. Спальню наполняют мои гортанные рычащие стоны и ее – протяжные, рваные. Звонкие удары плоти подстёгивают надвигающую стремительную развязку. – Tatlim, – требовательно шепчу я.

– Не могу, – всхлипывает Алиса, впиваясь коготками в мои плечи, отчаянно целуя в губы.

– Все получится, сладкая, – обещаю я. Вдавив сжатый до побелевших костяшек кулак в изголовье кровати, просовываю свободную руку между нашими телами, хлопаю подушечками пальцев по набухшему клитору. Надавливаю, обвожу, рисуя бесконечность, снова влажно шлепаю. – Так, хорошо, да, маленькая? – всасываю ее губу, врезаясь почти до упора и нажимая на чувствительную горошину.

– Ай… – глухо вскрикнув, Алиса выгибается дугой, утыкаясь пятками в матрас и сжимая коленками мои таранящие ее лоно бедра. Я чувствую, как волны освобождения одна за другой накатывают на Алисию, содрогающуюся в вырванном практически силой оргазме.

– Вот так, умница, – слизав капельку пота с ее виска, я резко выхожу, несколько раз двинув ладонью по набухшему члену, кончаю на ее живот с глухим удовлетворённым стоном. И не разряжаюсь внутрь вовсе не потому, что, не доверяю контрацептиву в организме жены. Я знаю, что лекарство не подведет, а вот ее будут терзать страхи, пока она не убедится, что беременность не наступила.

Благодарно и нежно поцеловав Алисию в губы, я падаю рядом, на пару минут позволяю себе отдышаться и расслабиться после полученного острого удовольствия. После, встаю и ухожу в ванную, и, вернувшись со смоченным в теплой воде полотенцем, осторожно стираю с тела Алисии следы своей спермы.

Она задумчиво и немного рассеянно наблюдает за мной, позволяя ухаживать за собой, выглядит спокойной и умиротворенной, что не может не радовать.

– Как у тебя это получается? – тихо спрашивает, когда я снова вытягиваюсь рядом и заключаю жену в тесные объятия.

– Что именно? – уточняю я, прижимаясь губами к прохладному лбу.

– Откуда ты знаешь, что нужно сказать и сделать? Я была уверена, что долго не решусь… снова, – Алиса смущенно замолкает. Непривычно робкая, невероятно-хрупкая. Почему у меня нет еще одной жизни, чтобы провести ее только с ней, далеко-далеко, в хижине на берегу озера?

– Отвечать честно? – с улыбкой спрашиваю я.

– Мы же договорились, что всегда честно.

– Проконсультировался со своим психологом.

– Серьезно? – отстранившись, Алисия недоверчиво смотрит мне в глаза. – Не знала, что у принцев есть собственные мозгоправы.

– А что в этом удивительного? В режиме постоянной многозадачности помощь опытного специалиста – жизненная необходимость. К тому же я знал, что ты точно этого не сделаешь, – объясняю удивленной жене.

– Вот и нет, – фыркает tatlim. – Я тоже консультировалась.

– Ты умница, сладкая, но мой мозгоправ явно оказался компетентнее, – ухмыляюсь я, поглаживая мочку ее уха. – Судя по результату.

– Мне все еще больно, – помолчав, произносит Алисия, имея в виду происходящее в душе, в сердце.

– Я знаю, – киваю, крепче прижимая загрустившую тигрицу к себе. – Вместе справиться с болью будет легче, чем по одиночке.

– Тебя не было так долго, Ран, – подавленно вздыхает Лиса, обнимая меня в ответ.

– Сейчас я здесь.

– А завтра?

– Уже завтра, – отзываюсь, массируя белокурый затылок пальцами. – И на него у меня большие планы, но сначала целебный здоровый сон.

Глава 7

Алисия

Я даже не предполагала, что предложение Амирана о здоровом сне будет настолько коротким. Кажется, прошла всего секунда с того момента, как я устроилась щекой на горячей груди мужа и начала дышать в такт гулким ударам его сердца.

– Просыпайся, малышка, – сонный голос мужа царапают хриплые нотки. Слегка приоткрыв веки, я осознаю, что розоватый рассвет только начал пробираться укрытую уютным полумраком спальню. Какого черта? Разве сегодня не выходной?

– Который час, Мир? – едва нахожу в себе силы на слабый шепот.

Прильнув к ключице, Рана, жадно вдыхаю запах его тела, напоминая самой себе озабоченную Туманом Саваж. Провожу носом по коже, и зарываюсь лицом в его подушку, задеваю губами пульсирующую вену на шее эмира.

– Безумно хочу спать. С тобой, Ран. Бесконечно долго, – мурлычу я, закидывая на него ножку таким образом, чтобы его бедра оказались заключены между моих.

Амиран в ответ издает горловой рык, ощущая, насколько я влажная для него. Все еще с вечера или уже – неважно. Наша близость не отпускала меня даже во сне, и мое тело этого давно не стесняется, а сомнения в том, что, как раньше, между нами уже не будет, он уничтожил начисто.

Сколько времени ему понадобилось, чтобы вдохнуть в меня жизнь и веру в себя, в нас? Каких-то несколько часов против трех недель тревожного одиночества. Еще вчера днем я задыхалась от переполняющих душу страхов, а сегодня нет ничего естественнее и правильнее, чем наши обнаженные тела, переплетенные друг с другом.

Сквозь сон, еще больше домогаюсь до шеи мужа с горячими поцелуями. Низ живота мгновенно наполняется тяжелой и приятной истомой, которой невозможно и совершенно не хочется противостоять.

– Нам нужно вылетать, tatlim. Поспишь в самолете, – объявляет Амиран, пробуждая во мне бурю негодования и любопытства. – Твои вещи уже собраны. Я приготовил для тебя сюрприз.

– Мы почти не спали, Мир. Ты издеваешься? – я резко сажусь на постели, лениво проводя пальцами по слипающимся векам.

– Беги умываться, – уже серьезным тоном повелевает Ран. Даже в темноте я могу представить, какой у него сейчас взгляд и прекрасно понимаю, что спорить с мужем бесполезная затея. Даже если я считаю, что проваляться с ним весь день в постели – будет лучшим решением для нас обоих, без всяких сюрпризов.

– Но…куда ты меня опять собираешься вытащить? – в привычной манере сопротивляюсь несанкционированному похищению.

– Бегом в ванну, – раскаляет интригу до невозможных пределов Амиран. Я нехотя встаю с постели. Взбодриться помогает смачный шлепок, которым Амиран награждает мою задницу. Я в ответ игриво ударяю его по руке, обиженно надувая губы.

Так скучала по нашему флирту, по его внезапным прикосновениям, по ощущению того – что я круглосуточно желанна и присвоена самым лучшим в мире мужчиной.

Определённо, у него есть свои недостатки, о которых мой мозг забывает в самые романтичные моменты. Идеальных людей не существует, и я понимаю, что не будь Ран так занят решением мировых проблем и вопросов, он бы был совершенно другим. А другого мне не надо…

Я быстро принимаю душ, а Мир заканчивает свои сборы ровно к тому моменту, когда я ставлю зубную щетку в мраморный стаканчик.

Слегка вздрагиваю, замечая в отражении высокую мужскую фигуру, стремительно приближающуюся ко мне. Ощущение безопасности накрывает всеобъемлющей волной, как только Амиран сгребает меня в объятия, сцепляя свои поджарые рельефные руки в районе моего живота. Я сразу замечаю знакомую черную ленту, зажатую в его пальцах. Пару раз он использовал ее для того, чтобы привязать мои запястья к изголовью кровати.

– Ненасытный тигр решил поиграть перед вылетом? – ласково интересуюсь я, приподнимая ладонь. Касаюсь пальцами его скул и подбородка, любуясь мужем в зеркальной глади. – Зачем лента?

– Я же обещал сюрприз, сладкая. Сегодня полностью доверься мне, – загадочным тоном продолжает волновать меня Амиран. – Ты сможешь? – резким рывком Ран расправляет плотную ленту из прочного шелка до характерного хлопка и подносит ее к уровню моих глаз. Не трудно догадаться, что он хочет завязать мне их на неопределенный срок времени.

– Хорошо. Я люблю твои сюрпризы. Точнее, уже привыкла, – коротко кивая, я позволяю ему отключить мое зрение с помощью кусочка ткани, с которым связано довольно много горячих воспоминаний. И они еще больше, распаляют меня, заставляя изнемогать от своих догадок и предвкушения насыщенного и интересного дня.

Так бесконечно много эмоций, когда Амиран рядом, они зажигают меня изнутри, временно замораживая боль потери, заполняя пустоту… Как же мне не хватало Амирана все эти дни. Я даже не осознавала, насколько сильно, пока не ощутила этот контраст, одновременно пугающий и дарящий облегчение.

Амиран сопровождает меня на протяжении всего пути до аэропорта. Сначала помогает надеть платье и туфли, заставляя несколько раз рассмеяться от неловких телодвижений во время затрудненного отсутствием зрения процесса. Затем, не отпускает моей руки ровно до тех пор, пока мы оба не забираемся вверх по трапу, и я, наконец, не оказываюсь в надежном и просторном кресле самолета.

С закрытыми глазами все чувства, рецепторы и эмоции обостряются. Есть особое наслаждение в том, чтобы быть абсолютно ведомой женщиной, купающейся во внимании, поддержке и заботе сильного мужчины. В такие минуты, я начинаю понимать, что именно этого чувства я ждала всю свою жизнь. Ждала и одновременно боялась до жути. Любить так сильно – страшно…

– Боишься? – мягко спрашивает Ран, наклонившись к моему уху. – Или предвкушаешь?

И то, и другое. Все грани эмоций… Никто другой в мире не смог бы дать мне так много. Только Амиран. И только таким образом, которым он к этому пришел – буквально вырвал из семьи, отвоевал меня у лучшего друга и первой любви, хищно захватил мое сердце и забрал в скалу своего прайда.

– Ты мой волшебник, – радостно заверяю его я, целуя мужа перед вылетом. – А я была такая глупая и не верила в твою магию…

– Значит ты все-таки рада, что мы куда-то летим? – спрашивает Амиран, так как от моего сонного недовольства не осталось и следа.

– Абсолютно. Тебя так долго не было. А сейчас, я чувствую, что ты весь…только для меня, – во мне просыпается жуткая собственница, и я бесконечно липну к Рану. В голову даже невольно врывается очередное опасение: а не устанет ли Амиран от моей покорности, любви и круглосуточной навязчивости? Судя по его взгляду – никогда.

– Только для тебя, tatlim. Надеюсь, тебе понравится это место, – благосклонно отзывается Амиран, заставляя меня мысленно отгадывать пункт нашего назначения. В голову приходит Париж – бессменный лидер всех городов для влюбленных, однако я знаю, что Амиран любит меня удивлять и придумывать что-то более оригинальное.

– Место не так важно, когда ты рядом, – протягиваю ладони вперед и абсолютно вслепую, на ощупь, нахожу его лицо. Заставляю полностью повернуться ко мне, тактильно изучая его мужественные черты. Кончики пальцев обводят линию губ, мягко скользят по скулам…прислушиваясь к дыханию Амирана, я понимаю, насколько сильно он наслаждается секундами моей полной доверчивости, уязвимости, нежности.

– Ты наконец-то побрился, – хихикаю я, касаясь тыльной стороной ладони гладкой и четкой линии челюсти Амирана. Больше не в силах ждать и томить нас обоих, порывисто тянусь к Миру и горячо припадаю к самым порочным и развращенным губам.

Целую его сама. Жадно. Неистово.

Забирая и заявляя все права на своего мужчину.

Подобно тому, как он целует меня после разлуки…дурею от вкуса губ, ощущая внизу живота тугую воронку, закрученную из первобытного голода по своему мужу. Не могу наесться им сейчас, критическое мышление напрочь отключается, и я позволяю себе оставить позади все свои страхи и сомнения, ощущая безумно страстный танец наших языков, чередующийся с животными прикусываниями.

Каким-то чудом мне удается вовремя остановить Амирана и настоять на том, что секс ему светит только после завтрака. Мне нужны силы на то, чтобы выдержать его силу и горячность, раскаленную за недели воздержания.

После приземления, Амиран продолжает исполнять роль моих «глаз» и вести за собой. Не смея подглядывать и сдвигать повязку с век, я пытаюсь отгадать место «сюрприза» по своим ощущениям: здесь довольно тепло, и у меня слегка закладывает уши, когда мы едем в машине. Дороги извилистые, судя по тому, как мотает из стороны в сторону. Уверена, что мы постепенно поднимаемся все выше и выше. Возможно, по серпантину.

Наконец, Амиран помогает мне выйти из автомобиля, несколько минут ведет за собой и останавливает. Скидываю босоножки, босыми ногами ощущаю теплый и приятный гладкий камень, а обнаженной кожей – приятный морской бриз, оставляющий мурашки на коже.

– Ты готова попасть в рай на земле? – поглощающим шепотом интересуется Амиран, аккуратно прикасаясь к узлу на моем затылке.

– Снимай уже, – хнычу я, едва ли не подпрыгивая от нетерпения. Ран возвращает мне зрение, срывая с меня ленту.

В первую секунду, мне кажется, что я вот-вот ослепну от обилия белого цвета, превращающегося в радиоактивные лучи, царапающего радужку и зрачок глаза. Моргнув несколько раз, я начинаю привыкать к тому, что снова вижу, но никак не могу осознать открывающийся мне пейзаж. Резкая смена картинки перед глазами влияет на восприятие мира сказочным образом.

Место, в которое привез меня Амиран невозможно не узнать. Оно влюбляет и пленит с первого взгляда, бьёт в самое сердце. Особая и уникальная архитектура острова узнаваема во всем мире, но даже самые красивые фотографии не передают всего очарования и романтики.

Построенные вплотную друг к другу белоснежные дома, преимущественно с белыми крышами напоминают уютные гнезда. Расположенные в идеально-хаотичном порядке, они поражают воображение своей исключительностью. Узкие улицы и лестницы, расположенные прямо на склоне горы, выглядят настолько атмосферно, что я невольно представляю, как по ним вальяжно расхаживают Боги Олимпа, облаченные в длинные хитоны.

Слезы невольно подступают к векам, пока я мысленно восторгаюсь красотой Санторини. В рассветное время остров выглядит по-особому тихо и загадочно. Первые лучи солнца украшают белые дома розоватым оттенком, оживляя его легендами и нерассказанными историями, что он без сомнений хранит в своих недрах.

– Добро пожаловать в Атлантиду, tatlim, – удовлетворенно ухмыляется Амиран, замечая, что я восторженно замерла, как к месту приколоченная.

– Атлантиду? – переспрашиваю я на выдохе, все еще зачарованно оглядывая снежные виллы на склоне.

Мы находимся на одной из таких. Только спустя пару минут я перевожу свое внимание на просторную террасу нашего отеля. Стол с завтраком на двоих уже

накрыт, и расположен прямо у инфинити-бассейна, из-за которого создается впечатление, что границ между виллой, морем и небом не существует.

– Существует легенда, что этот остров – все, что осталось от погибшей Атлантиды после извержения вулкана, – низким баритоном дурманит меня Амиран.

– И ты в это веришь? – засмеявшись, восклицаю я, возводя ладони к небу от переполняющей сердце радости.

– Не особо, сладкая. Но звучит романтично, – Мир жестом приглашает меня за стол.

– А мне, кажется, это вполне может быть правдой. Здесь настолько красиво, – еще раз кидаю взгляд в сторону моря и расположенных рядом вулканов, представляющих собой целые острова. – Если бы я была Богиней, я бы жила в подобном месте, – мечтательным тоном заверяю я, всем своим видом благодаря мужа за такой потрясающий подарок.

– Нас ждет насыщенный день, моя Богиня, – муж дарит мне чувственную улыбку, как раз в тот момент, когда я откусываю слишком большую часть от сдобного и пышного круассана. На раскатистый смех Амирана, оправдываюсь:

– Сам сказал, что я похудела. Наверстываю, – бормочу я, облизывая губы, покрытые шоколадом. Во взгляде Амирана замечаю танец его внутренних демонов, которым явно по душе мое хорошее настроение, легкость и непосредственность. И я не притворяюсь.

Наш завтрак обрастает глубокими, невероятными и мощными разговорами. Мы обсуждаем все, начиная с древних легенд и заканчивая собственными мечтами, планами и целями.

Речь заходит и о детях. Амиран обладает особой силой влиять на меня так, как ему вздумается и этого захочется, но откровенный разговор по душам помогает мне справляться с той болью, что нам пришлось испытать. Я пока не готова ко второй попытке, но он обещает не торопить, а мне больше не страшно…

И я наслаждаюсь каждой секундой его общества, всецело пребывая в настоящем…как он меня и учил.

В какой-то момент, я, правда, не слышу, что он говорит. Все мое внимание фокусируется на том, как великолепно Мир выглядит в белой рубашке и брюках. Ее закатанные рукава открывают мне обзор на загорелые и мощные мужские руки. По вздувшимся и напряженным венам так и хочется вести пальцами или губами, наслаждаясь его силой. Не могу поверить в то, что Амиран Мактум – мой. Он выбрал меня. Выбрал чертовски давно, и ждал свою строптивую глупышку много лет. Некоторым событиям суждено произойти в определённое время, и форсировать события – затея глупая, все равно, что грести против течения. И муж это знал. А мне потребовалось пробить свой собственный кокон из стали, чтобы превратиться в бабочку на его ладони. Эти осознания пробирают меня до мелкой дрожи и щемящего чувства в груди.

Я до одури хочу его. Так сильно, что, кажется – это чувство способно разорвать меня изнутри, разрушить.

– Так хочу тебя, – вдруг перебиваю Амирана я.

Плевать, если он разозлится, что я ни черта его не слушаю. Сейчас я не способна воспринимать звуки. Поднимаю ногу под столом, сбрасываю босоножку, выпрямляю колено. Дотягиваюсь кончиками пальцев до молнии на его брюках. Ножкой провожу по твердому члену, коварно улыбаясь мужу, всецело наслаждаясь его удивлением и вожделением, искрящихся в потемневших глазах.

– Черт, Алиса. Ты с ума меня сводишь, – он лишь на мгновение переводит взор на персонал и охрану, которые находятся довольно далеко от нас, но круглосуточно бдят за безопасностью нашего отдыха.

– Если бы не они, я бы сейчас опустилась вниз, расстегнула ширинку и взяла бы тебя в рот, – шепчу я и прикасаюсь к его ладони, одновременно проводя по всей длине члена ногой вверх-вниз.

– Кажется, вчерашняя терапия пошла тебе на пользу, tatlim, – глухо отзывается Амиран. Я вижу, как нервно дергается его кадык, когда муж сглатывает скопившийся во рту голод, имеющий слабое отношение к еде.

– Я просто соскучилась по тебе и не хочу терять ни секунды нашего времени, – проверяю, достаточно ли сильно скатерть закрывает пространство под столом, и съезжаю со стула вниз, чтобы воплотить свою фантазию в реальность.

– Ты сумасшедшая? – только и успевает спросить Амиран, до того, как я встаю на колени, спрятавшись в надежном «домике».

Дрожащими от вожделения пальцами, расправляюсь с ширинкой и боксерами, распаковывая еще один подарок на сегодня. В голове – ни единой стыдливой мысли, тело не способно нажать на «тормоз». Низ живота начинает неистово и требовательно пульсировать, когда я достаю напряженный и внушительный орган Мира. Как только кончик моего языка касается бархатной кожи на головке, Амиран издает сдавленный стон, и, отклонившись назад, грубо и властно сгребает мои волосы в стальной кулак.

– Ты, черт возьми, не наелась, детка? – ладонью сжимаю его плоть за основание и почти полностью поглощаю ртом, на мгновение сжимая горлом. Выпускаю из губ с влажным шлепком и ласкаю по всей длине, ощущая, как он помогает мне и направляет меня, слегка манипулируя моими плавными, полными обожания, движениями. – Черт, так…приятно, сладкая. Твою мать, Алиса…ты действительно Богиня, – едва дыша, хрипит Амиран, пока мой язык вырисовывает иероглифы на его яйцах.

– А ты мой Бог, Амиран, – томно отвечаю я, продолжая сосать его чертовски долго, стараясь оттянуть кульминацию и полностью растворяясь в совместных ощущениях, эмоциях и звуках тяжелого дыхания мужа.

С ним я превратилась в нимфоманку. Я не знаю, можно ли назвать подобное одурманивающее влечение любовью, но это определенно одна из ее составляющих. Когда Амиран кончает, я проглатываю все, что он мне дает, испытывая чувство глубокого удовлетворения от того, что доставила ему столько удовольствия, сколько и он мне вчера.

– Ты испортил меня, – жалуюсь я, возвращаясь на стул. Слегка опускаю ресницы, облизываю распухшие губы. – Чувствую себя шармутой, – теперь, когда я вспоминаю, что у нас, возможно, были зрители, мне становится немного неловко. С облегчением, замечаю, что охраны поблизости нет – скорее всего, по особому невербальному указанию Амирана его верная свора оставила нас наедине, как

только я опустилась под стол.

– Со мной ты можешь быть какой угодно, tatlim. Моя распутная, ненасытная девочка, – Амиран с нежностью проводит ладонью по моим волосам, и отодвигается со стулом назад, помогая мне подняться.

Этот завтрак Амиран точно не забудет. После него, мы едем купаться на абсолютно черный пляж у Эгейского моря. После Бали, темный песок едва ли вызовет у меня удивление. Но он больше не напоминает мне о моем прошлом, о другом острове и другом мужчине. Тот замок, что мы возводили с Нейтаном, давно рассыпался на невосполнимые части. Его накрыло неизбежной волной прилива.

Теперь мы с Амираном строим свой новый замок, и надеюсь, что его никогда не постигнет участь первого. Сейчас в наших отношениях – настоящий отлив и кажется, будто им не грозит никакая стихия.

Что ничего в этом мире нет сильнее нас.

Следующий час мы проводим на побережье, но теплое и ласковое море нас мало волнует. И чтобы не устраивать еще одно огненное шоу для персонала и охраны, прячемся за специальным навесным шатром в пляжном клубе, состоящим из удобной кровати, скрытой от обжигающих лучей солнца. Осознав, что мы полностью скрыты от посторонних глаз, я сама быстро забираюсь на Амирана. Теперь моя очередь получить удовольствие. Оседлав его, я упираюсь ладонями в сильную накаченную грудь, и начинаю быстро двигаться, подмахивая бедрами. Страстно, ритмично, жадно – это не трудно, потому что я умопомрачительно влажная, после нашего горячего завтрака.

– Ты абсолютно дикая, Лиса, – выдыхает мне Амиран в ухо, достигая разрядки. Наслаждаюсь каждым ритмичным толчком, ощущая, как каскадным наслаждением сотрясает все тело, взрывает каждую клеточку.

Тяжело дыша, я рисую волны на его крепких мышцах, по-прежнему чувствуя, что его член остается во мне. Я теряю ощущение земного притяжения от этой близости, и не хочу, чтобы он покидал меня.

– Ты чем-то не доволен? – лукаво интересуюсь я. – Что у нас по плану дальше? – сплетаю наши пальцы вместе, и опускаюсь грудью на грудь Амирана.

Повалявшись в шатре и объевшись фруктами, мы возвращаемся в номер, чтобы принять душ. Я переодеваюсь в платье-комбинацию, соответствующее вечерней прогулке по Европейскому городку. Амиран позволяет мне гулять без паранджи, оцепив для нас от посторонних людей целую улицу. Давно не чувствовала себя такой легкой и невесомой, свободной и влюбленной. Можно сказать – ребёнком, в самом лучшем смысле этого слова.

Мы уже никогда не будем такими молодыми, как сейчас…такими беспечными, такими далекими от решений мировых и внутренних проблем страны, как сегодня. Этим вечером – мы два подростка, затерявшихся в лабиринтах Санторини.

Сумеречный свет придает тесным улочкам острова особую романтическую атмосферу. Повсюду цветы, подсвеченные уличными фонарями. Запах натуральных вин и свежей выпечки преследует нас везде, куда бы мы ни свернули. В лавочках с сувенирами торгуют мылом, оливками, вином, сыром и маслом…и среди них так хочется затеряться в тихом уголке и целоваться, бесконечно наслаждаясь друг другом. Что мы и делаем. Голова кружится, я чувствую себя такой пьяной и счастливой…

Когда мы любуемся красновато-пурпурным закатом на одной из обзорных точек острова, я чувствую, как мое сердце раскрывается подобно тяжелым облакам, расступающимися перед мощными лучами солнца. Мне хочется кричать Амирану о своих чувствах, но вместо этого я тихо произношу:

– Я так благодарна тебе за этот день, Амиран. Сегодня все было так идеально, – поднимаю взор на слегка сосредоточенное и серьезное лицо Амирана. – Неужели завтра нам так нужно домой?

– Вылет после завтрака, не так рано. Не торопи время, не думай, Алиса. Я тоже давно не чувствовал себя таким счастливым.

– И я. Неужели это мы? – меня пробирает заливистый смех. – Я не сопротивляюсь, не закатываю истерики, принимаю тебя и то, что ты когда-то лишил меня всякого выбора. Ты не приказываешь, не ломаешь, не манипулируешь мной…ты

знал, что так будет?

– Абсолютно, – безоговорочно кивает Амиран. – Я все увидел в твоих глазах, когда ты нагло отняла у меня Саваж. Ты моя. Была, есть и будешь. Ничто не способно изменить этого, Алиса.

Прекрасным завершением дня становится ужин при свечах у бассейна и ясный обзор на звездное небо. Специально для нас – ни облачка, они расступились.

– Попробуем Винсанто, – Амиран наливает мне бокал красного напитка, и я тут же пробую его терпко-сладкий вкус. – Вино из Санторини. Согласно легенде, богиня Гера поила Зевса этим вином, чтобы он становился податливей.

– Надеюсь, ты позволишь мне прихватить с собой пару бутылок. Для особых случаев, когда мне потребуется приручить тебя, – подкалываю Мира я.

– Ты способна на это безо всякого допинга, – искренне бросает Амиран, заставляя мои губы замереть в широкой улыбке.

– Как все прошло в Штатах? – наконец, решаюсь спросить я. Если за подобной романтической поездкой скрывается план: как отвлечь жену от надвигающейся смертельной опасности, то я хочу знать правду. – Мне есть о чем беспокоиться? – стараясь унять тревогу, покусываю губы.

– Пока только предварительные договоренности. Готовимся к новому этапу переговоров. В общем, могло быть хуже, – бросает в меня общие и не раскрывающие сути фразы, Амиран.

– Это не может не радовать, – слегка напрягаюсь не только из-за его ответа, но и из-за телефонного звонка. Амиран фотографировал меня в платье и оставил телефон на столе. Мое соколиное боковое зрение совершенно точно распознало на экране телефона имя «Вирджиния», до тех пор, как Амиран сбросил вызов и убрал смартфон в карман брюк.

Какого черта она звонит ему в девять вечера.

– Чего я не могу сказать о наличии Вирджинии в нашей резиденции, – не в силах промолчать на этот хамский звонок от его подружки, добавляю огромную ложку дегтя в этот сахарный и сладкий день.

Аппетит пропадает мгновенно и даже восхитительное вино я показным и стервозным движением отодвигаю в сторону. Уверена, Мир чувствует, как быстро поменялось мое настроение: ему прекрасно известно, что из игривой кошечки я способна превратиться в арктический кусок льда.

– Амиран, меня задевает, что посторонняя женщина живет с нами. На моей территории, – уточняю я, кидая на него цепкий взор. Если бы взглядом можно было бы поцарапать: шея и подбородок Амирана бы уже кровоточили.

– Тебе не о чем беспокоиться, – сухо отрезает он, всем своим видом показывая, что он не собирается поднимать эту тему. Что она не стоит его драгоценного внимания. Подобно хищному льву приподнимает подборок, царски прищурив взор.

– Вас ничего не связывало в прошлом? – задаю прямой вопрос я, наблюдая за его реакцией.

– Нет, она просто друг, – качает головой Амиран. Вижу, что ему приятна моя ревность, и допрос с пристрастием – лишь забавляет мужа.

Но и не задать его я не могла. Слишком хорошо знаю, насколько близки бывают друзья.

– Ты прямо-таки безупречно невинен, Амиран. Тебя послушать – у тебя никогда и ничего не было, – в этот момент, мне невольно вспоминается шлюха, которую он взял практически в моем присутствии и стюардесса Мавия, вылизывающая его взглядом так, словно не раз проделывала это языком в реальности.

– Все мои связи были поверхностны, tatlim. Я никого не подпускал к себе близко. Это все, в чем я могу признаться тебе, – сухо отзывается мой муж, к чьей репутации невозможно прикопаться. Я бы и не стала этого делать, если бы не чертова Джина аль-Мактум.

– А почему подпустил меня? – выстреливаю очередным вопросом.

– Потому что ты об этом не просила, – мгновенным рикошетом отвечает Амиран, бросая на меня предупреждающий взгляд. Я уже отлично знаю его и понимаю, что к позитивному финалу вечера нас этот разговор не приведет.

Огромных усилий мне стоит усмирить свой пыл и остановиться на короткой и миротворческой фразе:

– Я надеюсь, что она покинет нашу территорию, как можно скорее.

– Я сам этого хочу, – согласно кивает Амиран. – Джина не задержится надолго.

– И не будет тебе звонить, – даю понять, что прекрасно знаю, от кого поступил входящий вызов.

– Вы становитесь властной и ревнивой женщиной, госпожа Аль-Мактум, – усмехается Амиран, окидывая меня голодным и покровительственным взором, от которого вся кожа покрывается мелкими бусинками пота.

– У меня превосходный учитель, – возвращаясь к вину, салютую ему бокалом, решив на этот раз поставить жирную точку в бесполезном диалоге и не развивать конфликт дальше.

Выпив вино до дна, я медленно встаю, и, повернувшись к нему спиной, медленно снимаю бретельки своей комбинации. Утонченные лямочки спадают с плеч, открывая Амирану обзор на изящную спину и поясницу. Спускаю с себя нежный шелк, наслаждаясь тем, как плавно скользит он по телу, повторяя жадный взгляд мужа…чувствую, как взор Рана останавливается на моей попке, бедрах и ногах. Слегка наклоняясь, резко ныряю в воду. Теплый бассейн приятно успокаивает мышцы, напряженные долгой прогулкой в гору.

Когда всплываю на поверхность – Амиран уже возвышается высоко надо мной, стоя у края бассейна. Теперь моя очередь любоваться его телом. Греческие Боги нервно курят в стороне и завидуют. Могу вечно смотреть, как он снимает рубашку, демонстрируя мне прямые линии очерченных мышц пресса и торса. Следом за ней, на плитку летят брюки и боксеры, и я бесстыдно окидываю

Амирана с головы до ног. Он прыгает ко мне, и сразу ловит для того, чтобы захватить в плен своих рук и губ, чтобы вместе погрузиться под воду.

«Я буду дышать за двоих…»

– Я не хочу возвращаться, – шепчу я глубокой ночью, засыпая рядом с мужем. – Я боюсь, что снова все изменится, – Амиран не отзывается, потому что уже беспробудно спит, крепко удерживая меня в своих сильных объятиях. Не отпускает даже во сне, оберегая, укутывая собой, а я судорожно втягиваю влажный душный воздух, прячу лицо на его мерно вздымающейся груди, с необъяснимой тревогой прислушиваясь к ровному глубокому дыханию. – Не отпускай. Никогда не отпускай меня, Ран.

Глава 8

Алисия

Мы возвращаемся в Анмар к обеду следующего дня. Я провожу время с Дайан, пока Амиран работает в кабинете. На ужин Ран не спускается, расстроив нас обеих. Уверена, что он устал и уже расслабляется в спальне или джакузи, заказав еду в комнату. Однако и там его нет.

Наверняка пошел покурить, потому что я просила его не делать этого на террасе. Ну просто идеальный мужчина, не так ли?

Отправляюсь на поиски мужа, вооружившись хорошим настроением. Я люблю гулять в саду резиденции, каждый раз удивляясь тому, насколько пышные и благоухающие цветы возможно взрастить в пустыне. Двигаясь вдоль импровизированного озера, я, наконец, замечаю высокую фигуру Амирана на другой его стороне.

И к моему большому разочарованию, мой «идеальный» там не один. А в компании Вирджинии Аль-Мактум, с которой их разделяет не больше тридцати сантиметров.

Они там абсолютно наедине, даже охраны рядом не наблюдается…вспыхнув от ревности и раздирающей нутро ярости, я направляюсь ближе, прекрасно зная, что обзор на меня закрыт объемными кустами роз, вьющимися вдоль беседки.

Сжимаю кулаки, стараясь унять усиленное сердцебиение и желание выпустить когти, отправившись на охоту. Эта дичь мне по зубам, и, наверное, не стоит моего внимания, но раздражает жутко.

Я должна верить Амирану. Если он говорит, что я единственная в его планах на жизнь, то мне стоит ему верить, невзирая на идиотскую привычку шейхов – иметь по две-три жены. Так играть невозможно, так лгать – противозаконно.

Все, что мне стоит делать – это сохранять адекватность и не подрывать эту беседку на месте без явной причины. Но с каждой секундой сохранять спокойствие и трезвость ума все труднее, особенно, когда я вижу, как Вирджиния по-свойски и чересчур интимно прикасается к Амирану, а до меня доносится весьма двусмысленная реплика мужа:

«– Здесь я наследный принц, а ты незамужняя женщина, обязанная соблюдать традиции королевства.

– А если я не хочу соблюдать традиции? Замуж за анмарца я не пойду, а ты…ты недавно женился. И вряд ли захочешь видеть меня второй женой, даже, если я буду умолять. Хочешь… я буду?

– Джина, что на тебя накатило?

– Я по-прежнему готова сделать для тебя все, что угодно. Только попроси. Попроси меня, Амиран…»

Амиран

– Мне нечем тебя обнадежить, Джина. На мой запрос по твоему делу не поступило вразумительного ответа. Точнее, он поступил, но идентичный тому, что получила ты.

– Но это, как минимум, очень странно, Амиран. Я обычный секретарь без какого-либо особого допуска к секретной информации, работаю не больше полугода. Первые списки на выдворение обычно возглавляют должности посущественнее.

– Не всегда, Джина, – стряхнув пепел на траву, останавливаю на лице Вирджинии аль-Мактум пристальный взгляд.

– Я вошла в первую дипломатическую десятку. Получила предписание утром, а вечером меня уже ждала машина возле ворот посольства, чтобы доставить в аэропорт, – раздраженно качнув головой, Вирджиния извлекает из складок абайи пачку сигарет, бесцеремонно стягивает на подбородок нижнюю часть никаба, и, щёлкнув зажигалкой, затягивается под моим осуждающим взором.

– Брось, Ран, я совершеннолетняя, – небрежно передергивает плечами. – Я не нуждаюсь в твоём или чьём-либо еще одобрении.

– А теперь ты хамишь, – сухо замечаю я, бросая на нее холодный предостерегающий взгляд.

– Я дико зла, Амиран, – эмоционально признаётся девушка. – Это немыслимо, несправедливо. За один чертов день все мои планы о грандиозной карьере рухнули, как карточный домик.

– Дипломатические отношения между Анмаром и Америкой наладятся в ближайшем будущем, – произношу нейтральным тоном.

– А сейчас мне что делать? – вспыхивает Вирджиния.

– Считаешь, что я обязан ответить на твой вопрос? – скептически уточняю на случай, если неправильно понял.

– Прости, – она смущенно отпускает взгляд. – Ты предоставил мне убежище, я должна благодарить тебя, а не жаловаться на свои проблемы.

– Ты не нуждаешься в убежище, Джина, – твёрдым тоном проясняю непреложную истину. – Анмар – твой дом. Здесь нет для тебя никакой угрозы.

– Кроме отца, – возражает, упрямо поджав губы.

– Он тоже не угроза, – утверждаю обратное.

– Я уверена, что мое имя в первых рядах на депортацию появилось не без участия папочки, – безапелляционно заявляет Вирджиния.

Я не спешу с ответом, позволяя девушке обдумать возникшую мысль. У Джины есть основания для подобных сомнений, и у меня они тоже есть. Мы какое-то время, молча, курим в саду в обвитой плющом беседке, одной из редких слепых зон резиденции, не попадающих под пристальное око камер видеонаблюдения.

Я не договаривался с Джиной о встрече, пришёл сюда, чтобы сделать пару важных звонков. Она нашла меня сама. Женщины порой, как кошки, умеют незаметно просочиться в любую щель, появиться внезапно, когда их совсем не ждёшь.

– Думаешь, что Искандер продолжает сотрудничать с американской разведкой? – интересуюсь я, прищурив глаза.

– Не могу гарантированно утверждать, но и не отрицаю подобную вероятность. После выпуска из университета, отец пытался вернуть меня в Анмар самыми разными путями, но дипломатическая неприкосновенность не позволяла ему это сделать, и, о чудо, как только в стране запахло жареным и начался разбор полетов, я попадаю под раздачу первая. Совпадение? Вряд ли! – Джина с негодованием вскидывает руки. Нервная жестикуляция выдает чрезмерное внутреннее напряжение девушки.

– Ты понимаешь, какие обвинения выдвигаешь против собственного отца? – уточняю сдержанным тоном.

– Я ничего не выдвигаю, Ран, – качнув головой, вздыхает Вирджиния. – Но тебе стоит быть осторожнее и усилить за ним наблюдение. Мы оба знаем, на что он способен.

– Спасибо за заботу, Вирджиния, но я должен предупредить, что мое гостеприимство закончится ровно в тот момент, когда твой отец приедет сюда и

потребует вернуть свою дочь. У тебя нет оснований находиться на территории моей резиденции в качестве гостьи дольше, чем одобрит Искандер аль-Мактум, – ставлю Джину в известность в отношении своих планов на ее счет. Разумеется, она ожидала совершенного иного ответа.

– Ты выдашь меня ему? – изумление в ее глазах не вызывает должного эффекта. По сути, я прав, и Вирджинии не угрожает опасность в резиденции отца, а вот здесь она абсолютно лишняя, и остается только по причине моего хорошего отношения к ней.

– А у меня есть причины поступить иначе? Искандер не причинит тебе вреда. Это я могу гарантировать.

– Конечно, не причинит, – злится Вирджиния. – Он просто запрет меня в четырёх стенах, как делал это с моей матерью до самой ее смерти. Она была бы жива сейчас, будь ему хоть какое-то дело до ее здоровья.

– У твоей матери была тяжелая форма рака, Джина, – чуть мягче произношу я.

– У нее были бы шансы, если бы отец прислушался к жалобам жены на плохое самочувствие. Но Искандер аль-Мактум всегда думал только о себе и своих шлюхах. Я не могу с ним жить, Амиран. Не могу!

– Я понимаю твои чувства, но это не моя проблема, – категорично отрезаю я, чтобы не она не питала лишних иллюзий.

– Амиран, прошу тебя! – она в отчаянном порыве хватает меня за запястье. Сжимает, с явным намерением прижать к груди. – Мне больше не у кого просить помощи.

– Ты в Анмаре, Джина, наши контакты тет-а-тет недопустимы, – отрезаю жестким тоном. – Прикосновения тем более, – опустив выразительный взгляд на ее пальцы, вцепившиеся в мою руку. Поспешно отпрянув, Джина прячет ладони за спину, предварительно поправив никаб. – Ты вернешься к отцу, – повторяю непреклонным тоном. – Это мое последнее слово. Еще раз попробуешь искать со мной встреч наедине, я отправлю тебя к нему до того, как он соизволит явиться за тобой сам.

– Я думала, мы друзья. С Колманом ты бы так не поступил и с Дайан тоже.

– Не сравнивай, Джина. Ди – американка, как и Мердер. Мы не в Штатах. Здесь я наследный принц, а ты незамужняя женщина, обязанная соблюдать традиции королевства.

– А если я не хочу соблюдать традиции? – снова вспыхивает Вирджиния, шагая в мою сторону. – Замуж за анмарца я не пойду, а ты… ты недавно женился. И вряд ли захочешь видеть меня второй женой, даже, если я буду умолять. Хочешь… я буду? – резко качнувшись вперед, она цепляется за мою рубашку, смотрит со слезами на глазах.

– Вирджиния, – перехватив ее запястья, отступаю назад, отстраняя отчаявшуюся девушку. – Что на тебя накатило?

– Я по-прежнему готова сделать для тебя все, что угодно. Только попроси. Попроси меня, Амиран… – она горько всхлипывает, собираясь разрыдаться.

– Прекрати немедленно. Соберись, никакой трагедии не произошло, – встряхнув девушку за плечи, резко произношу стальным тоном. – Иди к себе, Джина. Ты не контролируешь ни свои слова, ни свои действия.

В общую с женой спальню я захожу в легком раздражении, вызванным недопустимым поведением Вирджинии аль-Мактум. Не скажу, что она сильно меня разозлила, но где-то близко. Когда мы встречались в последний раз, Джина не позволяла себе ничего лишнего в общении, а я всегда относился к ней с полагающимся уважением.

– Уже поздно. Почему не в кровати? – закрыв за собой дверь, чуть севшим голосом спрашиваю у застывшей возле окна Алисии.

В комнате полумрак, шторы слегка раздвинуты, пропускают лунный свет, окрашивающий белоснежные простыни на огромной постели в золотистый тон. Лиса неопределённо ведет плечами, стоя ко мне спиной, рассеяно водит длинным пальчиком по стеклу. Пепельные волосы собраны в узел на затылке, кремовая шелковая ночная рубашка на тонких кружевных бретелях струится по

стройному телу, повторяя его совершенные изгибы. Ткань выглядит прохладной на ощупь, а нежная кожа умопомрачительно манящей, жаждущей моих прикосновений.

Я бесшумно подхожу ближе, расстегиваю по пути манжеты на рубашке, верхние пуговицы.

– Снова грустишь, tatlim? – вкрадчиво спрашиваю я, останавливаясь за ее спиной. Алисия не оборачивается, молчит, плечи опущены. – Или не хочешь разговаривать? – Подняв руки, невесомо веду тыльной стороной пальцев по предплечьям неподвижной жены. Наклоняюсь, почти касаясь носом затылка. Слышу шелест ее неровного дыхания, чувствую теплоту кожи, втягиваю легкий и нежный аромат.

– Грустить в одиночестве скучно. Поговори со мной, Алиса, – мягко прошу я, вырисовывая круги на ее острых локтях. Она немного напрягается, кожа на плечах покрывает мурашками.

– Сначала прими душ, ты воняешь дымом. Знаешь же, как я это не люблю, – отстранённым тоном отзывается моя капризная тигрица.

– Вот так значит, – невесело ухмыляюсь я, убирая руки. – Ладно, мне не сложно, – бросив рубашку в кресло, разворачиваюсь и иду в сторону ванной.

– Но сначала расскажи, где тебя носило? Я тебя искала, – летит мне вслед. Я резко торможу, оглядываясь через плечо. Алисия тоже развернулась и теперь ее полыхающий взгляд обращен на меня, а не в окно.

– Потеряла меня, сладкая? – игривым тоном интересуюсь я, расстёгивая ремень на брюках. Алиса не опускает взгляд, требовательно глядя в глаза.

– Это не ответ, Ран.

– Какая серьёзная тигрица, – широко улыбаюсь, но мое очарование не производит на tatlim должного эффекта. Скорее напротив – раздражает. – Я был в саду, курил.

– Один? – с непримиримым видом уточняет Алисия.

– Нет, – без заминки отвечаю, прищурив глаза. – Сдаётся мне, ты хорошо искала и нашла. Почему не подошла?

– Ты был занят приватной беседой со своей гостьей, в беседке, – вздёрнув подбородок, tatlim подтверждает мои подозрения. – Друг, значит? И часто друзья вешаются тебе на шею?

– Если они женского рода, то случается, – признаю не без иронии. – Если ты все слышала, то должна знать, что я отправил Вирджинию спать. Повода для беспокойства не вижу.

– Правда? – вызывающе ухмыляется Алиса. – Значит ты слепой. Она прямым текстом заявила, что готова на что угодно, имея в виду явно не дружеские разговоры за чаем.

– Ты преувеличиваешь, Лиса, – заверяю твёрдым тоном.

– Я хочу, чтобы она уехала, – непоколебимо заявляет Алисия, уперев руки в боки. Истинная царица в гневе.

– Хорошо, – коротко киваю я. Tatlim недоверчиво хмурится. – Займусь этим вопросом в ближайшее время. Теперь ты довольна?

– Да. И это была последняя женщина на территории нашей резиденции, с которой тебя связывает прошлое.

– У нас нет с Джиной никакого прошлого.

– Ты говорил, что раскрыл мне государственную тайну, сообщив, что Дайан твоя сестра, – вздернув носик, припоминает tatlim. – Не слишком ли многие знают об этой тайне? Или только избранные?

– Вирджиния наблюдательна. Скрывать было бессмысленно.

– На каком основании ты ей доверяешь засекреченную информацию? – вспыхивает Алиса, бросая на меня оскорблённые взгляды.

– На основании подписанного обязательства о неразглашении, – отвечаю нейтральным тоном. – Тебя я такой документ подписывать не просил. Еще вопросы есть?

– Нет, Ран, я просто в восторге от выпавшей мне чести и доверия, – фыркает Алиса.

– Прекрати, tatlim. Нервничаешь на пустом месте, – миротворческим тоном призываю тигрицу к перемирию, но она, как обычно, не поддается.

– Ещё раз увижу, как какая-то сучка хватает тебя за руки, предлагая себя, не поздоровится обоим, – в ход идут угрозы и предупреждения. – А ты ещё и наказан будешь.

– Каким образом? – снисходительно любопытствую я.

– Узнаёшь, – зловеще обещает Алиса, кивая в сторону ванной комнаты. – Иди, смой с себя ее вонь.

Смой, так смой. Есть ситуации, когда лучше побыстрее уйти от конфликта, нежели обострять его лишними репликами. Сотрясать воздух впустую мне не свойственно. Минимум слов, больше дела.

Приняв душ, обнаруживаю Алисию в кровати. Она лежит по центру, натянув одеяло на грудь. Изучающий взгляд медленно движется по моему телу, задерживаясь на полотенце, обернутом вокруг бедер. Сделав пару шагов к постели, я избавляюсь от лишнего элемента и ныряю на шелковые простыни.

– Я готов к наказанию, сладкая, – придвинувшись к жене, поднимаю край одеяла и скидываю его в ноги. Обнимаю за талию, припечатывая к себе. Алиса запрокидывает голову, глядя мне в глаза. Не пытается оттолкнуть, хотя я, грешным делом, решил, что воспитывать меня будут воздержанием. Не угадал. Лиса ласково касается кончиком языка моего только что побритого подбородка, облизывает вдоль скулы, шумно втягивает воздух.

– Так лучше, – мурлычет она. – Вкуснее.

Моя прекрасная. Обхватываю ее губы своими и проталкиваю язык в сладкую полость. Опустив ладони на упругую задницу, сминаю с такой жадностью, словно секса у нас не было, как минимум неделю.

– Голенькая, приготовилась, моя тигрица, – удовлетворенно замечаю резко севшим голосом.

Возбуждение от жаркого поцелуя, созерцания и тактильного контакта с сексуальной провокаторшей, мгновенно вскипает в венах, охватывая мышцы напряжением и набухая в паху внушительной тяжестью. Алиса обнимает мои бедра длинной стройной ножкой, максимально раздвигая свои. Вздувшая эрекция упирается в раскрытую промежность, медленно движется вдоль нежных складочек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/meyer_lana/bosikom-po-peplu-kniga-3

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить